

Александр Михайловский
Александр Харников

ВСТРЕЧНЫЙ УДАР

ПРОРЫВ НА ДОНБАСС

Крымский излом - 2

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

Встречный удар

«Автор, Автор»

2015

Михайловский А. Б.

Встречный удар / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2015 — (Ангелы в погонах)

Российская эскадра, вышедшая в конце 2012 года к берегам Сирии, неожиданно оказалась в начале января 1942 года в Черном море на траверзе Евпатории. Деблокада Севастополя и освобождение Крыма были только началом героического боевого пути выходцев из двадцать первого века на Великой Отечественной Войне. Пока враг не опомнился, надо наносить следующие удары. Отдельной тяжелой механизированной бригаде генерала Бережного, костяком которой стала морская пехота и танкисты из двадцать первого века, предстоит глубокий рейд по степям Таврии и Донбасса, а особая корабельная группировка получила приказ передислоцироваться в Арктику, на трассу Северных конвоев, чтобы и там гитлеровцам жизнь не казалась медом. Последствия этих решений не заставили себя ждать. О том, как наши современники «огнем и мечом» меняли ход Великой Отечественной войны, вы узнаете, прочитав эту и последующие книги. В издательстве АСТ книга выходила под названием «Прорыв на Донбасс».

© Михайловский А. Б., 2015

© Автор, Автор, 2015

Содержание

Часть 5	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Харников, Александр Михайловский Встречный удар

Часть 5 Операция «Полынь»

**16 января 1942 года. 05:25. Перекоп. ст.
Армянск. Расположение ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК**

Командир бригады генерал-майор Бережной

Все, вышло время нашего недолгого отдыха. Вчера ночью звонил товарищ Сталин и подтвердил – начало операции «Полынь» ровно в 6:00 по Московскому времени и не секундой позже. В районе Каховки, как гнойный нарыв, собирается кампфгруппа генерала Гудериана. Ее ядром являются две свежесформированных танковых дивизии – 22-я и 23-я – дополненные сборной солянкой из пехоты и артиллерии. Если верить донесениям разведки, все это напоминает группировку российских войск в Чечне году так в двухтысячном. Нашей истории, естественно. Довелось участвовать в той кампании, так что я сейчас быстроходному Гейнцу не завидую. Даже немцы в таких условиях способны организовать немалый бардак. А уж если и мы поможем?

Мы оставляем машинный двор МТС, неделю служивший нам временной воинской частью. Все вещи уложены, распаханы по машинам. С нами и наши женщины – в медсанбате, который мы разместили в немецких полугусеничных вездеходах, – и специалисты НПО «Рубин» и МКБ «Кристалл», присутствовавшие на борту «Северодвинска» в его крайнем походе. Конечно, это не «первый состав» этих организаций – скорее, второй-третий. То есть совсем юные гении и пожилые середнячки – эрудированные и упертые, как кони – они тянут свои темы благодаря усидчивости. Но и это будет изрядным пинком советскому НИОКРу. Товарищ Сталин сказал, что в смысле их безопасности и одновременно сохранения секретности он больше полагается на путешествие ценных специалистов вместе с нашей бригадой, чем на какие-то окольные маршруты через Новороссийск или на их перевозку самолетами. Кроме того, пусть товарищи ученые и инженеры посмотрят своими глазами на оккупированную территорию – после будут работать не за страх, а за совесть. Так что вся эта научная братия, вместе со всеми своими записями компьютерами и прочим багажом, едет в нашем обозе. Константин Константинович, чуть посмеиваясь, называет наше хозяйство ордой, только не уточняет, какой. Даже вертолетная группа с нами – все ее бензовозы, БАО и прочее хозяйство.

Первым за ворота выходит танковый батальон. Рота Т-72 из двадцать первого века, потом по две роты КВ и Т-34. В интервалах между ротами идут ЗСУ «Панцирь-С». Пусть люфтваффе на юге и разгромлено, но береженого и Бог бережет. Каждый день они пытаются подтянуть сюда новые силы. Как рассказал мне контр-адмирал Ларионов, сейчас Геринг внедряет такое новшество, как полевые мини-аэродромы, где сидят по три бомбардировщика или четыре мессера. Замучаешься бомбить эту мелочь. Правда, пока немцы очухивались, наши соколы их капитально проредили – и теперь немецкие асы способны только на мелкие пакости, массиро-

ванные налеты остались в прошлом. Они не лезут туда, где могут огрести по зубам (то есть в Крым), а стараются тиранить наши тылы на других направлениях. Их тактикой стали ночные удары малыми группами по железнодорожным станциям, госпиталям и прочим тылам. А ночных истребителей в советских ВВС еще нет – у них и обычных-то не хватает. Эвакуированные заводы только-только дали свою первую продукцию.

Вслед за танкистами временное расположение покидают механизированные батальоны морской пехоты: по десять БМП-3Ф и по тридцать трофейных полугусеничных тягачей. Для усиления огневой мощи – стрелковые роты, до предела насыщены немецкими пулеметами МГ-34. Что поделаться, если «дегтярь», мягко выражаясь, не дотягивает до необходимого уровня, а «максим» – это целая артсистема, которой, если по уму, нужен расчет из четырех человек, как для сорокопятаки.

Есть еще одна проблема – всех вновь зачисленных в штат бригады надо обмундировать по-нашему, то есть в камуфляжку. Товарищ Сталин, как бы между прочим, сообщил мне, что образец ткани передан на одну известную ткацкую фабрику, которая и сделает ткань по этому образцу. Советские ткачихи обещали выполнить задание партии в срок. Какой этот срок, я спрашивать не стал, все равно он от этого не изменится. Зачем это нужно? Просто бывают моменты, когда ОСНАЗ РКГ должен быть замечен, как манекенщица на подиуме. В противном случае мы все должны надевать красноармейское х/б и бесследно растворяться в толпе – плавали, знаем. Кроме того, униформа имеет крайне высокий психологический статус – это как перевод из кандидатов в действительные члены. А они этого достойны – настоящие бойцы. Кто-то из них начал воевать полгода назад, с обороны Одессы и боев в дельте Дуная, а для кого-то война началась с обороны Севастополя, продолжавшейся три месяца. Мы учим их только тактике и рукопашному бою, а боевой дух, отвага и упорство у них свои. Я горжусь, что товарищ Сталин доверил мне этих людей, и я сделаю из них таких рейнджеров, что американцы в своем Техасе будут дрожать от ужаса. Да, морская пехота тоже аккуратно прослоена ЗСУшками, так что асам люфтваффе не светит и здесь. Точнее, светит – березовый крест, вместо железного.

Вслед за морской пехотой двигаются штабные службы, авторота, груженная боеприпасами и топливом, медсанбат, БАО, и замыкают все это коменданты на БТР-80, которые тоже оказались в трюме «Колхиды». Товарищ Берия добавил в коменданскую роту своих волкодавов и преобразовал ее в батальон. Теперь это наш резерв и одновременно инструмент для зачистки освобожденных территорий от шпионов, изменников, вражеских пособников и прочих либерастов.

Последним за ворота выезжает мой «Тигр». Вместе с нами движется дивизион «Смерчей», и батарея «Солнцепеков». Но их я могу использовать только в самом крайнем случае: их боекомплект нужен товарищу Сталину для другой очень важной операции. Хотели двинуть и «Искандеры», но передумали. Они и из-под Евпатории много до чего могут дотянуться в Румынии, или даже Венгрии. Один-два пуска в ночь, по свежесоздавшимся объектам приводят немецкое и румынское командование в мистический ужас и недоумение. Как так: все было спокойно – и вдруг внезапно все взлетело на воздух...

Обгоняю колонну по обочине: «Тигр» – это такая зверюга, что везде пройдет. Когда мы делали регонсценировку полосы прорыва, я прокатил на «Тигре» на передовую Константина Константиновича Рокоссовского, и тот был впечатлен этой машиной. Причем понравился ему не столько комфорт (на который генерал вовсе не обратил внимания), сколько ее проходимость и надежность.

Бригада выходит на исходную. Смотрю на часы – ровно в шесть ноль-ноль, за полтора часа до рассвета, артиллерия Крымского фронта начинает артподготовку, расчищая нам дорогу огнем валом. Бьют не только орудия РКГ, ранее входившие в состав СОРа и Крымского фронта, но и захваченные трофеи. Каждый ствол будет стрелять, пока для него есть хотя бы один снаряд, и лишь потом отправится на переплавку. Или нет – ведь должны же у нас быть

еще трофейные боеприпасы. Я читал, что в июне-июле сорок первого года немцы захватили столько наших корпусных гаубиц 152-мм и дивизионных 122-мм, что даже развернули выпуск боеприпасов для них. И специально для патриофобов должен сказать, что эти гады и нашими танками не брезговали. Причем не только Т-34 и КВ, но и Т-26 и БТ-шками. Сам видел в Крыму. И не только нашими – в панцеваффе есть батальоны, укомплектованные трофейным английским и французским дерьмом. Я уже не говорю про серийно выпускающиеся чешские 35(t) и 38(t). Сегодня или завтра наши танкисты попробуют на зуб этих зверей, ведь, по данным разведки, таких танков у Гудериана больше половины.

А артиллерийская канонада все грохочет и грохочет. Как мы и договаривались, дирижирует этим «концертом» недавний майор, а теперь подполковник Гальперин, командир всей артиллерии нашей бригады. Раз за разом он огненным утюгом проходится по немецким окопам, выжигая солдат вермахта. Его самоходный дивизион последним последует за бригадой, готовый в любой момент развернуться и поддержать нас огнем. Гудериану наверняка уже доложили, что мы пошли на прорыв, так что он должен двинуться нам навстречу. Не тот у него характер, чтобы отсиживаться в обороне, да и гонору все еще хоть отбавляй.

16 января 1942 года. 13:05. Северная Таврия. окрестности пос. Чаплинка

Командир танкового батальона майор Деревянко

Сегодняшнее утро началось просто отлично. Ровно в 7:00 смолкла артподготовка, и над нашими позициями разнесся заунывный вой тысяч сирен ПВО. Генерал-майор Бережной рассказал генералу Рокоссовскому о задумке Жукова, примененной при штурме Берлина – о той самой, с сиренами и прожекторами. Рокоссовскому идея понравилась.

Немецкие пехотинцы – те, что уцелели после часовой артподготовки – едва лишь подняли головы, как из предутренней темноты на них обрушился новый ужас. Слепящий свет и сводящий с ума вой. Да, даже немецкая психика имеет пределы выдержки: солдаты вермахта выскочили из окопов и помчались в степь.

Именно так охотятся в степи на зайцев – ослепляя их автомобильными фарами. Тут было то же самое – немецкий солдат, запыхавшись, убегает от танка, в свете прожекторов мотаются туда-сюда полы тоненькой мышастой шинели... Короткая пулеметная очередь – и еще один холмик появляется в морозной предутренней степи. Были и такие, что поднимали руки – этим тоже доставалась пулеметная очередь. Здесь и сейчас в плен не брали. Недосуг было нам с ними возиться, да и надо помнить, как они поступали с нашими в таком случае.

Всего через полчаса бригада насквозь прошла тоненькую ниточку немецкой обороны, раздавив по пути какой-то штаб, и, свернувшись в походную колонну, вышла на оперативный простор. Теперь наш маршрут зависел только от предварительных планов и приказов из Москвы, а не от пожеланий германского командования. Это самое командование, в тот же момент, когда мы начали артподготовку, двинуло нам навстречу панцеркампфгруппу генерала Гудериана. Встреча лоб в лоб должна была произойти примерно в полдень где-то в окрестностях поселка Чаплинка.

Мы успели – вошли в Чаплинку раньше Гудериана и, получив предупреждение от вертолетчиков, сразу за ее окраиной стали разворачиваться в боевой порядок. А вообще нам только встречного танкового сражения в условиях населенного пункта не хватало. Причем нашего населенного пункта, с нашими мирными людьми. Но Бог миловал – мы успели.

Завидев наши танки, Гудериан тоже начал развертывать свои танки стандартной «свиньей». Впереди, углом – полсотни PzKpfw IV с короткоствольными пушками, а на каждом

фланге, чуть приотстав – примерно по сотне легких «чехов» PzKpfw 38(t). В середине, как пехотинцы внутри рыцарского клина – легкие PzKpfw II и бронетранспортеры с пехотой.

Я приник к окулярам своего командирского перископа, осматривая окрестности. Мы выбрали совсем другой ордер. В центре, по оси дороги – рота на Т-72 выстроенная в одну линию. Справа и слева от нее – сначала по роте КВ-1, потом по роте Т-34; на флангах – по двадцать БМП-3Ф со своим родным десантом из первых рот батальонов, остальные роты на трофейных транспортерах развертываются в километре позади нас. Начинаем...

16 января 1942 года. 13:05. Северная Таврия. окрестности пос. Чаплинка

Генерал Гейнц Гудериан

Командующий сводной панцеркампгруппой поставил свой командирский Ганомат Sd. Kfz.251/6 на вершине скифского кургана. Дул ледяной северный ветер, по земле мела снежная поземка. Вид отсюда открывался на многие десятки километров во все стороны. Поставив до блеска начищенный сапог на поваленного каменного истукана, генерал поднял к глазам бинокль и пришел в изумление от увиденного.

Русские разворачивались в какую-то странную конструкцию, охватывая его войска полукругом. В центре, чуть приотстав, будто опасаясь вступить в схватку с полусотней его «четверок», в одну линию выстроился десяток широких приземистых танков с длинноствольными пушками, а по обе стороны наблюдалось по десятку КВ и Т-34. Совсем далеко на флангах, выдвинутые вперед – две группы легких остроносых танков с маленькими башенками. Что ж, сражение выиграет тот, кто прорвет центр вражеской позиции и уничтожит его штабы и тыловые подразделения... И, кроме того, у противника, как и докладывала разведка, не больше девяноста танков против трехсот германских. Выиграть сражение – и на плечах бегущих ворваться на Перекоп... Отсюда видно, что в Чаплинку только что втянулся большой обоз русских.

«Вот с этого и начнем, – решил Гудериан. – Пока танки сближаются на дистанцию действительного огня – обстреляем Чаплинку, обычно это приводит у русских к нарушению управления».

– Курт, – обратился он своему радисту, – передай этому Шмукке – пусть немедленно открывает огонь по Чаплинке. Пусть стреляет до тех пор, пока я не прикажу ему заткнуться!

– Не могу, господин генерал, – отозвался тот, высунувшись из машины, – в эфире черт знает что творится!

– Дай сюда! – Гудериан почти силой вырвал гарнитуру из рук солдата.

И в самом деле, на всех волнах был слышен вой, мяуканье и дикий хохот. Собираясь отдать приказ, чтобы ему сюда, на холм, поскорее протянули телефонную линию, Гудериан обернулся назад – и похолодел. На позициях его артиллерии творился ад. Восемь странных аппаратов с винтами, расположенными сверху, а не спереди, как у обычных самолетов, утюжили эти позиции как заправские штурмовики. Были видны трассы русских эрсов, цветы разрывов и разбегающиеся во все стороны фигурки солдат. Серые шинели на белом снегу хорошо заметны, и фигурки падали одна за другой, усеивая собой русскую степь. А прямо с тыла на генерала летели еще два таких же аппарата. Еще два нацелились на остановившиеся у подножья кургана штабные автобусы и грузовики. Бронетранспортер стоял к ним кормой, его пулемет был повернут совсем в другую сторону.

Водитель, выглянувший было из кабины на крик генерала, немедленно метнулся обратно. Но было уже поздно. Гудериан, будто повинувшись какому-то наитию, бросился на землю. Он

слышал, как забарабанили по броне пули, как страшно закричал раненый Курт. Потом вокруг поднялся настоящий ураган.

Когда «Быстроходный Гейнц» поднял голову, то понял, что все кончено – вокруг него полукругом стояли русские осназовцы в своих белых зимних маскировочных балахонах. Руки генералу без особых церемоний стянули за спиной, из кобуры вытащили парабеллум. Когда Гудериану позволили встать, он огляделся. Чадно дымил подоженный Ханомог. На испятнанном кровью снегу лежал верный Курт. Мертвый водитель скрючился за рулем. Русские пули с легкостью пробивали немецкую броню. А под холмом, среди горящих машин, вооруженные до зубов русские сгоняли в кучу, как баранов, его штабных. Штаб кампфгруппы был уничтожен еще до начала сражения. Да, ошибкой было искать себе удобный НП в стороне от войск...

А там, внизу, в метельной степи, разыгрывалась трагедия. Гудериану позволили стоять и смотреть, как русские, прикинувшиеся невинными овечками, сбросили овечью шкуру и устроили его дивизиям кровавую бойню. И именно он завел своих солдат в эту западню. Такого позора он не мог пережить. Если бы у него не забрали пистолет, он бы непременно застрелился, здесь и сейчас. Но пистолет был отобран, так что чашу позора предстояло испытать до конца.

– Смотри, – на ломанном немецком языке сказал ему один из русских (скорее всего, командир), силой повернув его голову в сторону поля битвы. – Смотри и запоминай: кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!

16 января 1942 года. 13:15. Северная Таврия. окрестности пос. Чаплинка

Командир танкового батальона майор Деревянко

Прижимаю ларингофоны к горлу и произношу:

– Я «Первый», немецкие трубачи нейтрализованы, концерт начинается!

Меня слышат все – и танкисты в Т-34 и КВ, и морские пехотинцы в БМП-3Ф.

У морпехов сегодня особо ответственная задача. Только они на скорости в 50 км/ч могут охватить фланги гитлеровского соединения и поставить его ядро под перекрестный огонь своих пушек. Преимущество в скорости должно сыграть свою роль.

Пока я смотрел, как, поднимая вихри снежной пыли, рвут вперед БМП-шки, наводчики открыли огонь по центру немецкого строя. Оперенные бронебойные снаряды с вольфрам-керамическим сердечником для немецких «четверок» – безумная роскошь. Поэтому в ход пошли учебные болванки из того комплекта, который мы рассчитывали потратить на тренировки сирийских коллег. Точно такие же Лаврентий Палыч обещал нам изготовить на советских заводах. И болванка запросто срывает с немецких танков башню или проламывает лобовой лист. А супер-пупер боеприпасы дождутся первых «Тигров».

Один за другим в центре немецкого строя вспыхивают немецкие танки. Огонь с двух тысяч метров – это в нынешнее время что-то запредельное. Но двухплоскостная стабилизация орудия, хорошая оптика, лазерный дальномер и баллистический вычислитель дают нам возможность не мазать по серым коробкам с крестами на броне. Всю жизнь мечтал об этом. Конечно, лучше всего сейчас наводчикам, которые с азартом бьют это зверье, но и мой командирский глаз радуется эта картина.

Всего минута – и средние танки у немцев кончились, совсем. Осталось только полсотни горящих гробов. Тем более что КВ и Т-34 сблизилась с «чехами» на полкилометра и тоже открыли огонь. В лоб ни один из советских танков 37-мм пушка «чеха» не берет. А вот 76-мм бронебойный снаряд КВ и Т-34 на этой дистанции с легкостью пробивает броню «мыльницы» от ЧКД.

Там вспыхнули первые костры. Но их пока меньше, чем у нас, поскольку единственным дальномерно-вычислительным инструментом в танках того времени служит глаз командира экипажа, да и стрелять приходится с коротких остановок. Но пока еще не подбит ни один советский танк, а вот замерших неподвижно со сбитой гусеницей или окутавшихся рыжим пламенем PzKpfw 38(t) – хоть отбавляй.

Не очень-то пока помогает им численное превосходство – большой калибр орудий советских танков и их мощная броня дают нашим несомненное преимущество. Видны искры рикошетов от лобовой части башен и корпусов наших машин. Рациональные углы бронирования порой играют не меньшую роль в защите от снарядов, чем толщина защиты.

Легкие PzKpfw II и бронетранспортеры с пехотой начинают пятиться, понимая, что они следующие в очереди на уничтожение. Но их уже взяли в два огня обошедшие по флангам БМП-3. «Чехи» тоже получают «гостинцы» от БМП. Правда, целиться им уже сложно – лазерный дальномер сбивает и отказывает из-за затянувшегося поля боя чада.

И я принимаю решение...

Прижимаю ларингофоны к горлу плотнее.

– Я «Первый», я «Первый», идем на сближение. «Пегасы» – на транспортеры и «двойки», снаряды тратим только если по несколько штук сразу, а в остальном – КПВТ вам в помощь, прочие бьют гадов чем могут!

Идем прямо в чад и угар. Тут, в центре, затаившихся немцев нет. Бить мы их начали с задних рядов, на флангах же с этим делом похуже. Отдельные PzKpfw 38(t) пятятся назад, пытаются отстреливаться. Ну, так дело не пойдет. Вот уже несколько Т-34 и КВ неподвижно замерли, сбросив с катков сбитую снарядами «гусянку». Разворачиваем башни и начинаем бить «чехов» в борт болванками. Это – смертельный номер. Летят сорванные с погона башни, снаряды проламывают клепаные борта «чешских перебежчиков». С внешней стороны им в борт летят 100-мм «подарки» от БМП. Болванок у них нет, снаряды только осколочно-фугасные, а это еще красивее – мгновенно вспыхивающий костер на месте танка. «Двойки» и передовой отряд панцергеренадер на бронетранспортерах смахиваем с доски, даже не заметив.

Мы пробили чадное облако сгоревшего бензина и выскочили на чистый воздух. Дорога поднимается вверх, вверх, вверх... И вот мы на перевале. Внизу, в небольшой низинке, перед нами огромное скопление грузовиков, полугусенечников и колесных бронемашин. Они ничего не знают о том, что творится впереди – эфир на немецких частотах забит хаосом помех. Последний их приказ был – стоять здесь, ожидая, когда танки прорвут фронт большевиков, проложив дорогу для тылов. И вот она свободна, дорога – но не для них.

Немцев охватила паника – как же так, ведь мы, дескать, о таком не договаривались! Теперь они не могут идти вперед, потому что спереди мы, и не могут отступить назад, потому что сзади дорога забита как МКАД в час пик. Начинается суeta, хаос нарастает, кто-то пытается развернуть машины, кто-то спрыгивает на землю и бежит в степь. Придерживаю пока своих на гребне. Мы бьем по скоплению техники из орудий и пулеметов, но, похоже, здесь требуется более увесистая дубинка.

Вызываю артиллеристов:

– «Орган», я «Пегас», отметка плюс восемь, скопление техники и пехоты – это просто биомасса какая-то, требуется огневой вал.

– Вас понял!

И через минуту перед нами встает высокое дерево разрыва шестидюймового снаряда. Во все стороны летят обломки полугусенечника, что-то переворачивается, что-то вспыхивает. – Так нормально?

– Годится! – отвечаю я, и на немецкую колонну обрушивается лавина снарядов. Все скрылось за сплошной пеленой летящих камней, пыли и гари. Мы прекращаем огонь – пусть пушки тоже повеселятся от души, тем более что теперь нам просто не видно, во что стрелять.

Сзади подтягивается наша пехота на трофейных бронетранспортерах. Парни спешиваются и пешком поднимаются к линии танков. Здесь морские пехотинцы – те, что обороняли Севастополь и высаживались вместе с нашими у Евпатории. Те, что насмерть стояли под Саками, и освобождали Симферополь. Некоторые из них начали войну вообще с Одессы и с Дунайского лимана. Зрелище, открывшееся их глазам, было достойно богов.

В броню постучали. Открываю. На гусенечную полку запрыгнул капитан 3-го ранга Бузинов. Мы с ним были в одном деле, когда его ребята на броне моих танков рванули от Симферополя на Перекоп. Правда, тогда он был капитан-лейтенантом – но ничего, звания и награды дело наживное: тот, кто с нами связался, без своего не останется. Высунувшись из люка,жимаю ему руку. Все понятно и без слов. Огневой вал покотился вдаль от нас, и сейчас мы не спеша двинемся вперед, добывая тех, кто выжил в этом аду. Это рейд, а в нем нет места для пленных.

Крик снизу из люка:

– Товарищ майор, «Орел» передает, что «мышки» Гудериана повязали, взяли тепленьким.

16 января 1942 года. 17:35. Северная Таврия. окрестности пос. Чаплинка

Командир бригады генерал-майор Бережной

Снимаю трубку телефона; на том конце может быть только один абонент, САМ. Длинные гудки и вот усталый голос с чуть заметным акцентом:

– Слушаю вас, товарищ Бережной.

– Товарищ Сталин, только что завершился бой, в котором бригада полностью разгромила панцеркампфгруппу генерала Гудериана. Полностью уничтожены танковый кулак и сводный передовой отряд пехоты и артиллерии, численностью до полутора дивизий. Гудериан и его штаб захвачены в плен. Остальные части противника, бросая технику и вооружение, в беспорядке отступают к Новой Каховке. Веду преследование.

Томительная минута молчания – и голос Сталина, уже с резким кавказским акцентом, произносит:

– Повторите, товарищ Бережной, только короче.

Начиная снова доклад, стараясь, чтобы голос был ровным и спокойным:

– Товарищ Сталин, моторизованная группа Гудериана полностью разгромлена, сам Гудериан попал в плен. Продолжаем выполнять план «Полынь».

– Еще раз повторите! – Голос Сталина звенит.

Я повторяю:

– Товарищ Сталин, моторизованная группа Гудериана полностью разгромлена, генерал Гудериан попал в плен! Продолжаем выполнять план «Полынь».

– Молодцы! – Голос у Сталина сбивается. – Ай, какие молодцы! – Повисла пауза, потом Сталин громко и ясно сказал в трубку: – С этого дня ваша бригада – 1-я Гвардейская, ордена Боевого Красного Знамени, Отдельная Тяжелая Механизированная бригада ОСНАЗ РКК. Подготовьте наградные листы на всех участников боя, и особенно на тех, кто командовал захватом Гудериана и разгромом немецкой танковой группировки.

16 января 1942 года. 17:55. Северная Таврия. окрестности пос. Чаплинка

Поэт, писатель, журналист Константин Симонов. Из «Крымской тетради»

Я не первый раз на войне, но первый раз я шел по кладбищу металлолома, в которое превратились две фашистские танковые дивизии. Шел долго, а оно все не кончалось. Здесь, где танки дрались против танков, тягачи рембата уже растащили с дороги горелые бронированные коробки. Сейчас они работали дальше по дороге – там, где под уничтожающий артиллерийский огонь попала германская пехота и артиллерия. Вот там сейчас истинное крошево металла, воронка на воронке, а трупы лежат друг на друге штабелями. Кажется, что легче было не прокладывать путь через эту долину смерти, а обойти ее степью. Быстрее было бы.

Сегодня война повернулась к немцам своим страшным лицом и оскалила зубы. Я надеюсь, что так будет и дальше, и что это не последнее такое смертное поле, приготовленное для них. Южнее нас, у Клейста, втрое больше танков и самоходок, чем было в этот раз у Гудериана. Но они не готовы к бою, потому что нет запчастей, и двигатели выработали свой ресурс.

Генерал-майор Бережной говорит, что Гитлер поставил на кон свой последний бронетанковый резерв и проигрался до трусов. Теперь все зависит только от нас. Чем обернется для фашизма это поражение – легкой неприятностью, или тяжелейшей катастрофой? Я знаю, что товарищ Сталин намерен устроить немцам именно последнее, но лишь бы все получилось...

Неподалеку слышны удары кувалдой о металл – это спешно чинятся экипажи нескольких машин, у которых немецкими снарядами были сбиты гусеницы. У меня кружится голова: всего два с половиной часа боя – и группировка Гудериана прекратила свое существование. Вот прямо передо мной сгоревшая «четверка». Лобовой лист проломлен ударом снаряда потомков. Изнутри тянет сладковатым запахом сгоревшей плоти. Судя по всему, экипаж немецкого танка так и остался внутри.

Мимо, откозыряв, проходит патруль из четверых морских пехотинцев: унтер и три бойца. Вообще-то они сержанты, но за их беспощадную придирчивость и изнуряющие каждодневные тренировки наши бойцы прозвали их «унтерами». До самого начала операции по шестнадцать часов в день: тактика, огневая, марш-броски, физподготовка и рукопашный бой. Но питание шестипразовое, по специальным рецептам.

Вместо политзанятий – кино... «Обыкновенный фашизм» и то, что их журналисты сняли во время освобождения Крыма. От всей этой агитации бойцы буквально звереют. В бой пошли как на прогулку – еще, говорят, некоторых удерживать приходилось, чтоб пехота раньше времени на танки не бросилась.

Танкистам от инструкторов тоже досталось изрядно. Командир их батальона, майор Деревянко и зампотех бригады, командир ремонтного батальона, капитан Искангалиев выдавали за эту неделю с них семь потов. Тактика, вождение... И восемь часов копать в моторе. Восемь дней крайне мало, даже если учить по шестнадцать часов в день – но, как мне сказали, эффект уже есть. Конечно, есть – вот он, эффект, разбросан горелым железом, в котором ковыряются трофейщики из рембата, скручивая с обломков все, что в хозяйстве пригодится.

– Константин Михайлович, Константин Михайлович! – доносится издали женский голос – кажется, это их журналистка Ирочка Андреева. – Константин Михайлович, едем!

Отчаянная особа эта Ирочка. Каска, бронежилет, блокнот, диктофон – и в передовую линию. Рядом оператор с камерой. Все как у нас. Ведь сколько лет прошло, а ничего не поменялось – все так же наш брат военный журналист настырен и храбр до безумия. Ну что же – ехать так ехать, завтра будет новый бой и новый день.

16 января 1942 года. 18:05. Северная Таврия. дорога на Каховку

Майор морской пехоты Сергей Рагуленко

Когда остатки немецкой группировки были окружены, генерал бросил вперед два батальона – мой, и майора Франка – костяком которых были балтийцы из 2012 года. Вася Франк, несмотря на немецкую фамилию, чистейший русак: здоровый, толстошей, флегматик, чем-то похожий на носорога. Но язык предков – это святое, его он знает отлично. Задача, которую поставил нам генерал, проста как три копейки: двигаться вперед вдоль дороги, уничтожая все живое. Каховку желательно захватить с ходу. Не получится – провести разведку боем и ждать подкреплений.

Но пока до Каховки еще далеко. Последнее из оставших подразделений, 75-мм артбатарею на автотяге, мы вдавили в дорогу полчаса назад, и теперь впереди – бесконечная лента шоссе, которая то поднимается вверх в этой волнистой степи, то спускается вниз.

Темнеет. Это хорошо. Приказываю водителям переключиться на ПНВ, фар ни в коем случае не включать. Водители трофейных транспортеров должны «держаться» за габаритные огни впереди идущих машин. Этот режим «колонна-призрак» мы отрабатывали на тренировках перед операцией. И вот поднимаемся на очередной увал – а перед нами немецкая автоколонна. Свет фар в глаза, задыхающийся рык моторов, машины идут на подъем. Интересно, кто такие? Темно, ни черта не видно, а ПНВ ничего, кроме силуэта, не дает, уж слишком слепят фары.

Полугусеничники – назад, БМП расходятся по степи вилкой, готовые в любой момент прочесать колонну продольным огнем. У двух свеженьких грузовиков и перегораживающих дорогу тягачей с еще не смытой немецкой маркировкой – прикомандированные «мышки». При полном параде они изображают патруль полевой жандармерии. Взмах жезла с кружком – и передовой грузовик покорно останавливается. Наблюдаем за этой картиной метров с тридцати. Подходит, очевидно, старший колонны, о чем то спорит, размахивает руками, потом забирает документы и поворачивается, чтобы вернуться к своей машине.

– Медики это, – докладывает старший разведчиков, пока немец идет обратно, – полевой госпиталь. А в хвосте у них рембат 23-й танковой дивизии, задержались с разгрузкой.

Смотрю на Франка, а тот только сопит. Были бы солдаты – разговору нет, а тут госпиталь, бабье... Мы ж не фашисты – потом до смерти грех не замолишь.

– Василий Владимирович, – говорю я ему ласково, – возьми мегафончик и скажи людям на родном языке Шиллера и Гете, чтоб поднимали руки и дурью не маялись. Дело их фашистское проиграно, так что дальше – плен, Сибирь, балалайка. Если в преступления не замараны, кровь людскую не пили, то и бояться им нечего.

Берет майор Франк мегафон – и летят над степью исторические слова на вполне себе литературном немецком:

– *Ergeben Sie sich. Legen Sie ihre Waffen nieder und kommen Sie raus mit hochgehobenen Händen. Wer keinen Widerstand leistet und keine Sabotage betreibt, dem garantieren wir das Leben.* (Сдавайтесь, вы окружены. Положите оружие и выходите с поднятыми руками. Тому, кто не окажет сопротивления и не займется саботажем, мы гарантируем жизнь), – одновременно в ночной степи вспыхивают десятки фар, с обеих сторон заливая светом замершую немецкую колонну. Ловушка, выхода нет.

Минута – и из открывшейся двери головного грузовика, четко видимая в свете фар, на землю брякает первая винтовка, за ней еще и еще. Запомнились германские врачихи: выпученные от ужаса глаза, полные икры плотно обтянутые чулками, пилоточки на кокетливых

прическах. И это при минус пять и десять метров в секунду! Б-р-р-р... Выходят из машин – и руки за голову, лицом к борту.

Словом, собрали мы брошенные стволы, оставили взвод для охраны и рванули дальше к Каховке. А куда этим немецким врачихам деваться было: впереди наши, позади мы, по краям ночная зимняя степь с оврагами и буераками – сто лет будешь ехать и никуда не приедешь...

А в Каховке мы с ребятами оторвались от души – даже майор Франк веселился, как настоящий русский человек... Но это уже совсем другая история.

16 января 1942 года. 23:55. Северная Таврия. ст. Каховка

Майор морской пехоты Сергей Рагуленко

Облака немного рассеялись, но на небе нет никакой луны, что очень приятно. Прямо перед нами – станция Каховка. Та самая, которая «родная винтовка»¹. Ночь абсолютно безлунная, в разрывах облаков проглядывают звезды.

Станция битком забита составами. Сейчас там разгружается второй эшелон кампфгруппы. Они еще не знают о той катастрофе, что постигла их генерала, и спешно сгружают с платформ артиллерию и машины.

Станция ярко освещена электрическим светом и заполнена суетящимися солдатами. У нескольких эшелонов на запасных путях не видно суеты, только лениво прогуливаются патрули с собаками. Вот разгадка того, почему наша авиация еще не разнесла станцию вместе с немцами вдребезги и пополам, несмотря на все нарушения светомаскировки. В эшелонах несколько тысяч пленных, наших пленных. Кулаки сжимаются, и в глазах темнеет. Разведка уже провела экспресс-допрос пленного генерала и доложила, что это была его идея с пленными.

Рассматриваем станцию в бинокли. Вот она, Каховка – осталось только пойти и взять ее. Есть еще одна идея, но это потом, когда возьмем станцию. Разделяем батальоны. Я пойду по дороге от Чаплинки, а Франк отрежет немцев от Днепра. Весь расчет на внезапность и дерзость. На головные машины обоих батальонов натягиваем трофейные красные «фартуки» со свастикой. Ребята надевают немецкие каски, а белые маскхалаты и так у всех одинаковы. Ну вот, вроде маскарад и готов. В первую минуту примут за своих, а потом все пофиг! Отыграемся за их «Бранденбург».

Команда «Вперед!». Гремящая и лязгающая колонна приближается к шлагбауму на КПП. Высовываюсь по пояс из командирского люка, демонстрируя всем мужество и лихость. Тут уместно вспомнить еще одно мое «погоняло» – «герр гауптман». Сейчас, конечно, так не шутят, но все же имидж пригодился. Придерживая винтовку, навстречу нам выбежал молодой солдатик. Может, спросить чего хотел? Стреляю ему из ПМ в голову.

Понеслась! Броня сносит шлагбаум. Кандауров, мой наводчик, разворачивает башню и дает очередь из 30-мм по охранной вышке. Летят обломки досок. Соскальзываю внутрь машины. Высшая дурь – схлопотать шальную пулю или осколок – для этого много ума не надо.

На станции поднимается паника. Немцы бегают как наскипидаренные, слышны истерические вопли: «Алярм! Алярм! Алярм! Русише панцер!». На подъездные пути вламывается десяток БМП и, ведя огонь, проходят станцию из конца в конец, сметая все на своем пути. Неожиданно гаснет свет, но нам с нашими ПНВ так даже лучше. Сонное царство на зенитных батареях, прикрывающих станцию, уже проснулось. Двадцатимиллиметровые «Флаки» пытаются открыть огонь, но снаряды 100-мм пушек БМП разбрасывают их словно игрушечные. От

¹ Имеет место отсыл к начальной строчке стихотворения Михаила Светлова «Песня о Каховке»: Каховка, Каховка – родная винтовка — Горячая пуля, лети! Иркутск и Варшава, Орел и Каховка — Этапы большого пути.

уцелевших орудий перепуганные расчеты прыскают в темную степь подобно зайцам. Мы их не ловим – пусть побудут там до утра. Мечущихся между путями солдат и офицеров расстреливаем из пулеметов и давим гусеницами. Пехотинцев среди них не особо много, в основном это артиллеристы и тыловики. Кто-то поднимает руки, кто-то пытается залезть под вагоны. Но сегодня нам не до пленных. Морпехи, наступающие вслед за нашими БМП, жестко зачищают станцию.

Внезапно со стороны Днепра тоже начинается стрельба. Как раненая корова кричит простреленный навывлет паровоз. Пытавшийся сбежать эшелон застрял на выходной стрелке. Что-то ярко горит у водокачки, выбрасывая в небо багровые отблески... Суতোлка ночного боя бессмысленна и беспорядочна. И только наши приборы ночного видения, да надежная связь, вносят в бой некое подобие порядка.

Станция нами захвачена. Захвачена за счет дерзости, неожиданности и превосходства в огневой мощи. Ну и дозированного нахальства. Осталось лишь подавить оставшиеся очаги сопротивления и подсчитать трофеи. В здании вокзала наши новички сначала забросали немцев гранатами, а потом сошлись с ними в рукопашную.

Выпрыгиваю из люка БМП; внутри здания слышен жуткий мат и звуки ударов. Внезапно одно из окон вылетает вместе с рамой на улицу, и в снег вниз головой втыкается жирный оберст. Да, не обижен силушкой тот, кто сумел вышвырнуть в окно такую тушу... В здании вдруг все затихло – очевидно, русская народная забава «стенка на стенку» закончилась вместе с немцами. Лишь бы наши там не сильно пострадали, ведь операция только началась, и лишние потери нам ни к чему. Ведь их же учили, как нужно зачищать объект с наименьшими хлопотами и наибольшими потерями для противника. Тем более что противник у них – тыловые крысы, с которыми вообще можно было справиться одной левой. Ладно, оставим разбор полетов на потом, сейчас нас ждут другие дела.

– Старший лейтенант Борисов, за мной!

Вместе со взводом разведчиков быстрым шагом, почти бегом, направляемся в сторону теплушек, на боках которых намалеваны крупные белые буквы «RUS». Во тьме мечутся круги света от ручных фонарей.

Борисов передает свою неразлучную «светку» бойцу, подбирает с земли брошенный кем-то немецкий «кар-98» и со всей дури бьет прикладом по замку. Жалобно звякнув, замок улетает куда-то во тьму, створка вагонной двери отъезжает в сторону, и в темном проеме появляются белые лица пленных. Они смущены и испуганы. Ведь внешне мы мало похожи на обычных бойцов Красной Армии – слишком уж хорошо обмундированы и обильно вооружены. У половины к тому же трофейное оружие. Кроме того, в интересах политической целесообразности товарищ Сталин настоял, чтобы нашим морпехам вернули погоны. Но в тоже время знаки различия на петлицах тоже никто не отменял. Так что я теперь дважды майор – две «шпалы» в петлицах и по одной большой звездочке защитного цвета на погонах. Сделано, что называется, для введения в заблуждения «японской разведки». Чем больше разной информации, противоречащей друг другу, получают орлы адмирала Канариса и прочие МИ-6, тем труднее будет из этого сумбура выудить зерно истины. А тот, кто случайно это сделает, решит, что это грубая дезинформация.

Я киваю, и Борисов командует:

– Товарищи, командиры и бойцы, выходите наружу по одному. Стройтесь у вагона...

Наверное, ему хочется броситься к этим людям, обнять их, сказать, что они свободны... Но мы успели переговорить с ним в пути и намекнули, что среди пленных могут быть предатели и прочие морально неустойчивые личности. Посмотрим, кто и как отреагирует на наши погоны.

Люди по одному спрыгивали на насыпь и строились вдоль вагона. У большинства шинели и ватники были без ремней, но оказались и такие, кто был одет в одни гимнастерки – по всей

видимости, в плен они попали еще ранней осенью. Все пленные давно не мыты и истощены до крайности. Удивительного в этом мало – ведь плен далеко не курорт. Наверное, они не захотят попадать в неволю во второй раз.

Высокий и худой, как ручка от швабры, мужик в мешком висящей на нем командирской шинели с ненавистью посмотрел на меня и процедил сквозь зубы:

– Все здесь, господин офицер, внутри остались только больные... Старший вагона лейтенант Листьев.

Я уже хотел было сказать какую-нибудь глупость – что, типа, все вы свободны, но тут откуда-то из второго ряда под ноги мне выкатился давно забытый персонаж – молодой креакл (или не очень молодой, кто его разберет).

– Господа офицеры, никакие это не больные, а просто симулянты! – выкрикнул он визгливым фальцетом. – А этот Листьев – главный большевик... Сволочь красна... а-а-а!!! – Окончание фразы захлебнулось диким воем.

Конечно, еще не так заорешь, когда тебе возьмут руку на болевой прием.

– Вот видишь, ТОВАРИЩ старший лейтенант, – посмотрел я на Борисова, – а вот и он, старинный русский персонаж, подпольная кличка «в семье не без урода». Потомок Гришки Отрепьева и Мазепы, правдами и неправдами доживший до наших дней. Ребята, – в стиле Аль Капоне кивнул я разведчикам, – по законам военного времени позаботьтесь об этом ублюдке.

Дико верещащего иуду отвели в сторону. Короткий рывок, хрип – и тело со свернутой шеей упало на землю. На такого урода и патрона жалко тратить.

За этой скоротечной расправой с одобрением наблюдали пленные и из других вагонов. Я поднял руку:

– Товарищи, внимание! Я майор ОСНАЗ РКК Красной Армии Рагуленко. Не смотрите на мои погоны, наша часть особая. Смотрите лучше на петлицы майора Красной Армии. Мы освободили вас из немецкого плена, но никто, даже товарищ Сталин, не может освободить вас от исполнения воинского долга перед Родиной. Утром мы уйдем дальше в рейд. Вы не сможете сопровождать нас, на это у вас просто не хватит ни сил, ни умения. Но вам вполне по силам взять на себя оборону этой станции от попыток немцев отбить ее обратно. Здесь остается много бесхозного немецкого вооружения – от винтовок до полевых гаубиц. Я думаю, что вы справитесь, ведь у немцев сейчас практически не осталось ни авиации, ни танков. Их тяжелая артиллерия тоже изрядно потрепана. Скоро мы снова сюда вернемся, и не одни, а с частями Юго-Западного фронта. Продержитесь здесь где-то дней десять, прошу вас. Есть вопросы?

Я оглядел строй бывших пленных. Они переваривали то, что я им сейчас сказал. Все, больше времени на агитацию не осталось.

Я скомандовал:

– Командиры и комиссары – шаг вперед!

17 января 1942 года. 8:15. Северная Таврия. ст. Каховка

Лейтенант РККА Семен Листьев

Бригада вошла в Каховку в два часа ночи. Ревели моторы тяжелых танков, лязгали гусеницы, тряслась под ногами земля. Сверкая фарами, колонна спустилась к станции. Она была длинная, как змея. Машин было столько, что мне и моим товарищам казалось, что никакая это не рейдовая бригада, а целый танковый корпус. Но вот мимо нас прокатились последние броневики на восьми огромных колесах. И степь снова стала темной и пустынной, зато на станции поднялась суета. Первыми и весьма ошеломившими нас новостями стали известия о наших контрнаступлениях под Москвой и в Крыму. Немцам не только не удалось взять Москву, как

врал жирный оберст Редель – они потерпели там сокрушительное поражение и были отброшены от стен столицы на двести-триста километров. Под Ржевом окружена 9-я армия Моделя, и ей, наверное, из этого капкана уже не вырваться.

А тут, совсем рядом, в Крыму, окружена и полностью уничтожена 11-я армия Манштейна. И канонада, что мы слышали вчера днем, оказалась разгромом танковой группы Гудериана, которая выгружалась в Каховке все последнюю неделю. Майор Рагуленко с усмешкой рассказал нам про глупых немцев, что поперли на «консервных банках» против «настоящих танков». Потом я увидел входящие в Каховку «настоящие танки», и мне даже немного стало жаль немцев. Широкие приплюснутые боевые машины с длинноствольными пушками большого калибра были, словно древнерусские витязи, одеты в чешуйчатую броню. Правда, и КВ и Т-34 тоже выглядели весьма солидно и уверенно в своей зимней пятнистой окраске. Это сколько же техники нагнали! Причем вся или трофейная, или вообще ранее неизвестная (может, американская?). Из наших машин я видел только танки – те самые КВ и Т-34.

Теперь я снова лейтенант и снова командир – правда, не взвода сорокопятков, а батареи германских 75-мм полевых пушек. Есть еще легкие 105-мм гаубицы, но к ним подыскивали другого лейтенанта-артиллериста, который до плена имел дело с нашими 122-мм гаубицами. Командиров среди пленных оказалось мало, так что в пехоте сержанты командуют взводами, а кое-где и ротами.

Но для начала всех нас, бывших пленных, собрали у здания вокзала. Нет, не всех сразу, собирали повагонно. Сразу всех собрать было просто невозможно, ведь было нас две-три тысячи человек – из тех, кто попал в окружение под Мелитополем в октябре. Заводили в здание вокзала в один заход человек по десять. Внутри, несмотря на глухую ночь, все работало как хорошо отлаженная машина. Худые, чем-то похожие внешне на нас санитарки из бригадного медсанбата стригли нас наголо, брили, выдавали каждому большую кружку остро пахнущей лекарством сладкой воды. Потом я узнал, что их самих вот так же освободили из лагеря военнопленных под Бахчисараем десять дней назад.

Потом – короткая беседа с особистом бригады. Майор госбезопасности скользнул по мне невидящим, безразличным взглядом, и только попросил надеть на указательный палец что-то вроде наперстка с выходящим из него тонким проводком. Потом задал мне несколько вопросов, посмотрел на человека, что сидел рядом с ним с небольшим ящичком, тот кивнул... И все – я свободен: секретарь внес мои данные в большой grossбух, и попросил пройти дальше, получить оружие и назначение. А вот человека, который был в очереди сразу передо мной, отвели в отдельную комнату. Не знаю, что с ним стало, но больше мы его уже не видели.

Бригада встала у нас на двенадцать часов, как раз до следующей темноты. Их механики тут же полезли в моторы, а генерал-майор Бережной собрал всех освобожденных из плена командиров. Разговор был недолгим. Наша задача – держать станцию и небольшое передовое укрепление на правом берегу Днепра. В тылах у немцев практически пусто, так что серьезными силами они нас атаковать не смогут. Командир нашего сводного отряда, капитан Железнов, получил от генерала рацию, по которой, в крайнем случае, можно было вызвать авиационную поддержку. О нашей авиации, которая буквально две недели назад внезапно начала свирепствовать в небе над Южным фронтом, мы знали из рассказов конвоиров. Именно от этих ударов с воздуха немцы и прикрыли станцию живым щитом из пленных. Теперь они пожалеют об этом. Чтобы еще раз не попасть в немецкий ад, каждый из наших бойцов будет драться насмерть.

Оберста Ределя повесили в полдень. За водокачкой, где были сложены покрытые ледяной коркой обнаженные тела наших товарищей, умерших от голода и болезней, расстрелянных, повешенных, насмерть забитых охраной, под водяной трубой уже стоял один из немецких грузовиков с откинутыми бортами. К трубе была привязана веревка с петлей, болтающейся над кузовом. Там же, в кузове, стояли связанный оберст Рудель и два сержанта-осназовца.

Там собрали не только нас, бывших пленных с оружием в руках (причем с трофейным). Были там и те немногочисленные «счастливы» из числа немцев, попавших к нам в плен, а также их врачи, персонал армейского госпиталя и санитарного поезда, что застрял на станции в момент нападения, механики одного из дивизионных рембатов, внезапно захваченные передовым отрядом по дороге, ну и еще те из гарнизона станции и выгружавшихся на ней частей, что в момент нападения умудрились хорошо спрятаться и были обнаружены лишь потом, когда накал боя спал.

Майор госбезопасности зачитал приговор (сначала на русском, потом на немецком):

– За военные преступления, совершенные в отношении советских граждан, массовые убийства и пытки, военным трибуналом к смертной казни через повешенье приговаривается полковник германской армии Отто Хайнрих Редель... – майор ГБ махнул рукой. – Повесить его за шею, и пусть висит так, пока не умрет!

Когда переводчик дочитал немецкий текст, два здоровенных сержанта, которых все почему-то звали «унтерами», подтащили связанного и извивающегося червяком немецкого полковника к петле. Грузовик тронулся – и вскоре «жирный боров», как называли его наши товарищи, бессильно задергал в воздухе ногами.

Когда конвульсии прекратились, особист бригады ОСНАЗА продолжил свою речь:

– Товарищи, за тех, кого мы не сумели спасти, мы отомстим. Мне даже страшно подумать, что будет, когда наша армия войдет в Германию. Каждый советский солдат должен помнить – как минимум за него отомстят. Каждый немец должен знать – сражаясь на стороне гитлеровской своры, он только увеличивает счет, который будет предъявлен немцам после войны. Как сказал их Бисмарк – русские всегда взыскивают свои долги. Все, товарищи, разоидись!

Генерал-майор Бережной, который вместе со своими комбатами стоял недалеко от нас, заметил кому-то:

– Хорошо, но мало. Теперь так же Гимmlера с Герингом – и порядок...

Командиры засмеялись и продолжили разговор о чем-то своем, мне непонятном. Я отвернулся, чтоб не подумали, что подслушиваю. Вечером бригада уйдет дальше, а мы останемся в круговой обороне. Но мы не одни, мы не брошены и не забыты. У нас есть рация, по которой можно вызвать на подмогу авиацию, а днем транспортными вертолетами в Крым были отправлены все, кто не могут держать в руках оружие. У нас много трофейного оружия и боеприпасов – даже больше, чем бойцов, которые это оружие могут держать. А еще бригада скинула на нас всех пленных, кроме танкового рембата. Как сказал командир танкового батальона, майор Деревянко, «нам они нужнее».

В общем, я думаю, что мы продержимся и дождемся, когда сюда придет фронт. Наверное, как было и во время войны с Наполеоном – настало время гнать их туда, откуда они пришли.

18 января 1942 года. 05:05. Северная Таврия. 50 км до ст. Запорожье

Командир бригады генерал-майор Бережной

Воеет метель, мерно рычат дизеля. Бригада идет на север по степям Таврии, все дальше удаляясь от Крыма. Впереди – крупный железнодорожный узел и промышленный центр Запорожье. Из-за метели пришлось оставить вертолетную группу в Каховке, хотя их мобильное БАО идет с нами. Когда все это кончится, они, уже заправленные и обслуженные, смогут или вернуться в Крым, или нагнать нас в любой точке маршрута. А вот колонну автомобилей и тягачей по вражеским тылам в одиночку не пустишь.

Так и идем, пробиваясь сквозь снежные заряды. Час назад мы разгромили станцию Федоривка. Передовая группа в составе роты танков KB-1 и роты морской пехоты на трофейных

полугусеничниках выскочила на нее глубокой ночью. Немцы не ждали, что мы будем двигаться ночью, да еще и в такую погоду, и банально спали. Короткий бой с гарнизоном больше напоминал резню. Да и что там за гарнизон – немецкие нестроевые тыловики и полицаи. Ребята порезвились там на совесть – заминировали и взорвали стрелки, вывели из строя маневровый и два линейных паровоза, уничтожили водокачку, полили маслом и подожгли кучи угля. На станции были обнаружены четыре теплушки с уже знакомыми буквами «RUS». Но внутри бойцы нашли только трупы. В трех вагонах военнопленные, в четвертом дети – похоже, что детский дом. Одно дело читать о таком в книгах, и совсем другое – видеть воочию. Если завтра товарищ Сталин прикажет спалить в термоядерной геенне, к примеру, Берлин, то скорбь моя дольше тридцати секунд не продлится. Да, наверное, так думали и наши бойцы, когда шли к Берлину. А потом, кормили немецких детишек из своих полевых кухонь. А пока мы идем на север, уничтожая все немецкое, что встречается на нашем пути. Если бы тот немецкий полевой госпиталь попался нам сегодня, то не знаю, сумел бы я удержаться от соблазна или нет...

Я постукиваю карандашом по карте. Запорожье, если возьмем, то как отдать обратно? С другой стороны, попытка его удержать приведет к распылению бригады. Или даже к остановке рейда. Запорожье, Синельниково, Павловград, Лозовая... Все крупные транспортные узлы, разгром которых будет для немецкого командования, гм, крайне неприятен. Тогда против нас будут бросать все, что найдут, невзирая на лица. Чем ближе мы к Василевскому, тем злее будут немцы. Разведка доложила, что у каждой крупной станции есть живой щит из пленных. Но вопрос в другом: живы они или давно погибли, как в Федоровке? И еще – найдем ли мы, чем их вооружить? В Каховке были тылы кампфгруппы Гудериана, да и на поле боя наши трофейщики собрали все до последнего карабина и последнего патрона. Кое-какие излишки мы везем с собой, но этого очень мало, не хватит даже еще на один Каховский отряд. А безоружные пленные нам не подмога, а лишь обуза. Задерживаться же в немецких тылах совсем не резон. У операции «Полынь» есть свои сроки. Разве что...

Поднимаю голову – напротив меня сидит Алена и, подперев щеку рукой, смотрит на меня жалостливо, по-бабьи. Провожу рукой по щеке – точно, щетина, уже вторые сутки не нахожу времени, чтоб побриться. Алена вздыхает и кладет свою руку поверх моей, шепчет: «Милый мой...» – потом смотрит в глаза и молчит, аж мурашки по спине. Да будет он благословен, век натуральных женщин, без синтетики в теле и без фальши в душе...

Усилием воли возвращаюсь к делам. наших пленных, которых мы освободим на промежуточных станциях... не выгружать, а прицепить к эшелонам паровозы и двигать их вместе с нами до Лозовой. А дальше посмотрим – может, сделаем там базу бригады: оттуда до фронта всего километров пятьдесят-семьдесят... А пока степь, метель, влюбленная женщина, следующая станция Запорожье – через три, нет, простите, через два с половиной часа.

**18 января 1942 года. 08:15. Севастополь,
Северная Бухта, ракетный крейсер «Москва»**

Командир корабля капитан 1-го ранга Остапенко

Приказ контр-адмирала Ларионова поднять крейсер по «Боевой Тревоге». Квакают ревуны, мигают транспаранты. Сообщение с нашей ПЛ «Алроса», что дежурит у горла Босфора: «Пролив форсирует итальянская эскадра. Два линкора, «Литторио» и «Джулио Чезаре», четыре крейсера и эсминцы». Твою мать! Вот так всегда: как только что-то налаживается, так незванные гости лезут через забор. Неплохо, наверное, Алоизыч на Инению наехал, раз тот пустил линкоры в Черное море. Да и у дуче наверняка седых волос прибавилось. Сколько его

итальяшек у нас на Восточном фронте? Ветер, метель – наверняка они думают, что наши самолеты не смогут вылететь. Смочь-то они смогут, но не надо. Есть инструкция товарища Сталина о применении наших тяжелых вооружений. Адмирал Кузнецов сейчас на командном пункте Черноморского флота. Наверняка его тоже уже подняли на ноги.

Звонок на КП флота:

– Николай Герасимович, вариант «Вьюга», прошу разрешения на применение главного калибра.

Адмирал Кузнецов, слава богу, не тормоз, и ответ следует сразу же:

– Действуйте! Норма расхода – две единицы на линкор. – (Ага, наверное, ему уже доложили все расклады). – Крейсера пока не трогайте – посмотрим, что они будут делать, когда мы прихлопнем их больших парней: пойдут они к Севастополю одни или повернут назад на свои базы?

Стремительно несутся секунды; палуба опустела, задраены все люки, команда на боевых постах. Целеуказания введены, пошел отсчет. Десять, девять, восемь...

Мой замвоспит (по-здешнему военком) толкает меня локтем вбок, показывая куда-то назад. Оборачиваюсь. Через боковое остекление рубки видны маленькие фигурки командиров и адмиралов на площадке перед входом на КП флота. Ну точно – начальство вышло полюбоваться, а то когда еще какой-нибудь дурак подставится под наш большой молоток. Интересно всем. И «Молотов» и «Ташкент», не говоря уже о «Парижской коммуне», наверняка ошетинились биноклями – вон как мостики и надстройки почернели от народа. Отсчет продолжается: два, один... Пуск!

С оглушительным грохотом первый «Вулкан» выпрыгнул из своего гнезда, в котором он сладко спал всю свою жизнь. Отгорел и нырнул дымным хвостом в море твердотопливный ракетный ускоритель. Лишь бы не зашиб кого-нибудь ненароком... Получив поправку с самолета целеуказания, ракета повернула влево и легла на боевой курс. Через восемь секунд все повторилось. Перед нами все затянуло сплошная белая пелена. Дальнейшие два пуска можно было почувствовать только по грохоту и содроганию палубы под ногами. Почти полная дальность: четыреста пятьдесят километров, время полета ракеты к цели – двенадцать минут. Пуск-то не учебный, других «Вулканов» у нас нет: за каждый потраченный зря спросят по всей строгости.

Командир БЧ-2 смотрит на секундомер. Все правильно рассчитали итальяшки – кто там у них командует, Карло Бергамини, что ли? Шторм, волна – авианосец не сможет поднять свою авиагруппу, а без нее наши корабли беззащитны перед двумя мощными линкорами. «Парижская коммуна» им не конкурент. От подлодок крупные корабли защитит стая эсминцев. Только вот на наши «Вулканы» они не рассчитывали...

На экране маленькие зеленые точки одна за другой приближаются к красно-оспенной сыпи итальянской эскадры. Среди точек поменьше выделяются две жирные красные кляксы. Еще немного... Слились! Ну что там?!

Доклад с самолета целеуказания:

– Первая и вторая – попадание в головной линкор. Третья и четвертая во второй! Повторяю, все ракеты попали в цель...

Победный крик моих офицеров оглушает.

С «Алросы» докладывают, что оба линкора тонут. Головной – после взрыва погребов. Тот, что шел за ним, тоже, кажется, не жилец, но на дно пока идти не спешит. Командир «Алросы» кавторанг Павленко не удержался – сунул одному крейсеру под винты торпеду. Теперь у итальянцев, кроме двух утопленников, еще один безногий инвалид.

Они, кажется, даже не поняли, что это была подлодка. Покрутившись вокруг эскадры, эсминцы помчались спасать тонущих. Но кого можно спасти в шторм и метель... Все, вариант

«Вьюга» сработал – теперь вряд ли итальянцы рискнут послать в Черное море хотя бы один свой корабль...

19 января 1942 года. Вечер. Лондон. Бункер премьер-министра Англии

Премьер-министр Уинстон Черчилль и глава SIS Стюарт Мензис

Черчилль вызвал начальника британской разведки в свой бункер, расположенный в пяти минутах ходьбы от Биг-Бена. Сэр Уинстон хорошо знал Стюарта Мензиса еще до того, как стал премьер-министром, и потому решил быть с ним откровенным. Приходящая по разным каналам информация о странных событиях в районе Крыма не давала покоя Черчиллю. Внутреннее чутье опытного политика подсказывало ему, что там творится нечто такое, что со временем скажется на ходе боевых действий на всем советско-германском фронте.

Поначалу ничего необычного там замечено не было. Советы решили деблокировать осажденный немцами Севастополь и освободить весь Крымский полуостров. Для этого они, со своей обычной неумелостью, в конце 1941 года высадили десант своих войск в Керчи и Феодосии. Причем, согласно достоверных данных, при высадке потери были больше, чем непосредственно во время боевых действий. Затем, в январе 1942 года командование Красной Армии провело еще одну десантную операцию, на этот раз в Евпатории. Черчилль хорошо знал историю Восточной войны 1853–1856 годов, в которых участвовали и его родственники. Под Балаклавой в рядах бригады легкой кавалерии был убит среди прочих лорд Мальборо – дед Черчилля. Так что он хорошо представлял местоположение частей 11-й армии вермахта и район высадки русского десанта. А вот с этого момента и началось НЕЧТО, удивившее штабных аналитиков британской армии и смешавшее все расчеты английского премьер-министра.

Из источников, заслуживающих доверия, через Москву, Анкару и Берлин в Лондон стала поступать информация об эскадре кораблей неизвестных типов, появившихся у Евпатории. Всех имеющих доступ к этой информации шокировал тот факт, что корабли несли на мачтах Андреевские флаги. Особенно удивляло Черчилля то, что среди этих кораблей был огромный, не менее трехсот пятидесяти ярдов в длину, авианосец с загнутым вверх как у турецкой туфли носом. Зная досконально боевой состав флотов стран-участниц второй мировой войны, он был на сто процентов уверен, что среди боевых единиц Рабоче-Крестьянского Красного Флота нет ни одного корабля, даже отдаленно похожего на авианосец. Тем не менее корабль такой на Черном море имеется, и самолеты с него взлетают исправно. Именно эти самолеты с фантастическими боевыми характеристиками устроили люфтваффе настоящий террор, фактически уничтожив германскую авиацию на южном фланге советско-германского фронта. Они, словно играючи, смели с неба эскадру бомбардировщиков люфтваффе, специально предназначенную для атак боевых кораблей. В свое время эта эскадра попортила немало крови кораблям британского королевского флота. Но стоило ей прибыть на Черное море, как от нее после первого же вылета не осталось ни одной боевой машины. А история с попыткой люфтваффе совершить налет на русскую эскадру, курсирующую в виду Босфора? Где это видано, чтобы зенитный огонь был такой плотности, что ни один германский бомбардировщик не смог прорваться к кораблям и сбросить хотя бы одну бомбу на цель! И это после разгрома Констанцы и Плоешти. Сталин запугал турок насмерть. Иненю дрожит как осенний лист при мысли, что немцы когда-нибудь кончатся, а аппетит при таком ходе дел у русских будет только расти.

При этом те летчики, кому посчастливилось вовремя покинуть свои разваливающиеся в воздухе самолеты и раскрыть парашюты, уже никому ничего не расскажут. Они или подобраны русскими кораблями, или утонули в ледяной январской воде. В это время года даже на Черном море далеко не курортные условия.

А на Крымской земле десант, высаженный с кораблей этой таинственной эскадры, легко разгромил 11-ю армию генерала Манштейна и вместе с частями РККА освободил весь Крым. Агенты докладывают, что бойцы этого подразделения... носят погоны. Не совсем такие, какие носили офицеры и солдаты Российской императорской армии, но очень и очень похожие. Поражает уровень подготовки солдат и оснащенность десанта новейшей боевой техникой, в составе которой есть даже боевые вертолеты. Когда бригада громит армию, у многих появляются в голове нехорошие мысли. И главные из них: что будет дальше? Что хочет дядюшка Джо? Кто будет следующим, когда усатый черт до конца доест Адольфа?

Именно эти и многие другие вопросы премьер-министр Великобритании сэр Уинстон Черчилль задал несколько дней назад начальнику своей разведки. С тех пор случилось еще много интересного. Затаившаяся было бригада выскочила из Крыма как чертик из табакерки, походя смахнув кампфгруппу бедняги Гудериана. Итальянская эскадра адмирала Карло Бергамини сунулась было в Черное море, но, потеряв с ходу, по невыясненным пока причинам, два линкора и крейсер, подобно своре побитых псов убралась обратно. Адмирал, кстати, остался на дне вместе с флагманским линкором «Литторио». Турки в переговорах стали уклончивы до невероятности... Неужели и тут поработал господин Сталин? Появились сведения о скором визите в Анкару советского высокопоставленного дипломата. Генерал Деникин выступил с обращением к соотечественникам забыть все прошлые обиды и по примеру героев, громящих сейчас германских захватчиков, идти и сражаться вместе с Красной Армией. Во французском Алжире, по полученным данным, формируется Новая Добровольческая армия. Генерал Краснов с кучкой прогерманских лакеев оказался в подавляющем меньшинстве. Сэра Уинстона трясло. Сталин сказал «Родина-мать зовет», – и Седые Волки снова вспомнили запах крови. Псу под хвост пошли все британские старания заставить русских убивать русских. Как, как ему это удалось?!

Стюарт Мензис прибыл точно в назначенное ему время. Черчилль решил переговорить с ним в Большом зале для заседаний. Глава МИ-6 уже успел подобрать документы, которые могли бы пролить свет на происходящее в Крыму и вокруг него. Впрочем, достоверной информации было мало, а вот слухов и домыслов, наоборот, имелось в огромном количестве.

Поздоровавшись с Мензисом, Черчилль непринужденно развалился в своем любимом кресле в зале заседаний, после чего с удовольствием закурил душистую гаванскую сигару.

– Стюарт, мы с вами знакомы уже не один год, – начал он, – скажите, как на духу – вас не настораживает возня вокруг этой странной эскадры, словно с неба свалившейся в Черное море?

– Сэр, я служу короне уже много лет, – ответил тот, – и от всего происходящего в Крыму у меня буквально шерсть на загривке встает дыбом. Сейчас мы не можем предугадать и половины ходов русских, отчего просто голова идет кругом. Я думаю нашему коллеге Канарису ничуть не легче. Он уже обратился к нам по неофициальным каналам с предложением сотрудничество в этом вопросе. Особенно большой шок и у нас и у гуннов вызвали Андреевские флаги на мачтах кораблей эскадры, погоны на плечах у офицеров и матросов. И в то же время совершенно бесконфликтные отношения между офицерами этой эскадры и командирами Красной Армии и Черноморского флота СССР. Больше того, по нашим данным, эти корабли посетил сам глава их НКВД Лаврентий Берия, причем уехал оттуда чрезвычайно довольный. Командует сейчас «Объединенным флотом» нарком ВМФ Кузнецов. А те командиры и комиссары, что попробовали возбудить враждебность к этой эскадре, были арестованы НКВД и вскоре расстреляны. Обвинение – троцкизм. Что-то тут нечисто...

– А что говорят по этому поводу ваши аналитики? Ведь они уже, наверное, успели проанализировать всю полученную информацию и сделать предварительные выводы?

– Сэр, они непрерывно работали в течение нескольких суток. Для анализа использовались не только материалы, полученные нашими спецслужбами. Сэр, вы, наверное, помните,

что я вам докладывал о доверительных отношениях, установленных нашей службой с адмиралом Канарисом...

Черчилль утвердительно кивнул, не вынимая сигары изо рта.

– Так вот, мы получили от его фирмы дополнительную информацию, что называется, из первых рук. Она использовалась при анализе. Скажу честно, мои ребята работали с полным напряжением. Несколько человек оказались на грани умопомешательства... Мы поместили их в специализированную закрытую клинику.

– И к чему они пришли, Стюарт? – Черчилль с нескрываемым интересом посмотрел на своего главного разведчика.

– Сэр, материалистических объяснений всего происходящего на Черном море нет. Эта эскадра появилась неоткуда. Через Гибралтар она не проходила, через Суэцкий канал – тоже. Не зафиксирован ее проход и через Дарданеллы и Босфор. Так как же она оказалась в Черном море?

– Может, это происки наших заокеанских друзей? – озадаченно спросил Черчилль. – Хотя, я не понимаю, зачем им это надо...

– Действительно, янки сейчас не до этого, – отмахнулся Мензис. – Японцы захватили Филиппины, не сегодня-завтра они займут Батаан, половина Тихоокеанского флота США лежит на дне бухты Перл-Харбор... Да и что американцы забыли на Черном море?

– Тогда, Стюарт, скажите, наконец, на чем сошлись ваши аналитики? – спросил Черчилль, совершенно сбитый с толку. – Откуда взялась эта проклятая эскадра и кто они, эти люди в погонах?

Стюарт Мензис посмотрел в растерянные глаза премьер-министра Великобритании и, чеканя каждое слово, сказал:

– Сэр, не существует ни одной версии, которые могут с материалистической точки зрения объяснить появление этой эскадры на Черном море. Единственная версия, которая имеет право на существование... – начальник SIS скрестил за спиной пальцы левой руки, – это ВМЕШАТЕЛЬСТВО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СИЛ...

При этих словах премьер-министр выронил сигару. Мензис первый раз в жизни увидел испуганного Черчилля. Лицо «Уинни» стало бледным, как бумага.

– Нет, Стюарт, нет, – испуганно замахал он руками, – только не это! Вы считаете, что большевики заключили договор с дьяволом, и он прислал им на помощь свое адское воинство?!

Мензис вполне серьезно ответил.

– Сэр, я думаю, что дьяволу по духу ближе Гитлер, поэтому он не станет играть на стороне противника гуннов... Кроме того, нам стало известно, что неделю назад дядя Джо встречался с местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Сергием... О чем они говорили, мы не знаем, но уже на следующий день вышел указ, разрешающий открывать ранее закрытые церкви, а священники стали возносить молитвы об одолении врага и о здравии товарища Сталина, причем по императорскому чину...

– Значит, тогда дяде Джо помогает сам Всевышний?! – воскликнул Черчилль. – Второе прише... – Он вдруг схватился за сердце и откинулся на спинку своего кресла.

Стюарт Мензис выскочил в коридор и испуганно заорал:

– Помогите! Врача! Премьер-министру плохо! Врача скорее!

Но все было напрасно: Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании был мертв – мертвее не бывает. Мгновенный инсульт. Упавшая на пол сигара продолжала дымить. Противно воняя, тлел дорогой персидский ковер.

При подготовке тела к погребению так и не удалось убрать искажившую лицо покойного предсмертную гримасу ужаса и отчаянья.

20 января 1942 года, Утро. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Сталин подошел к лежащей на столе карте советско-германского фронта. Жирная красная черта, начавшаяся на Перекопе, уперлась в станцию Лозовая. До города Изюм по кратчайшему расстоянию – всего семьдесят километров. С некоторой задержкой первая фаза «Полыни» вступила в завершающую фазу. Но имелись и тревожные сигналы. В сводке разведупра специально выделена переброска к Лозовой частей 6-й армии немцев. О том же сообщает и воздушная разведка особой авиагруппы.

От размышлений о сложившейся на фронтах ситуации Сталина отвлек звонок внутреннего телефона связывающего его кабинет с приемной. Это был Поскребышев.

– К вам товарищ Берия со срочным докладом!

– Зови!

Верховный Главнокомандующий невольно напрягся. Неизвестно еще, какие именно известия заставили Лаврентия примчаться в такой спешке, даже без предварительного звонка.

Берия ворвался в кабине как метеор, поблескивая стеклышками пенсне.

– Доброе утро, товарищ Сталин... вы знаете, вчера сдох британский боров! Вы понимаете, что это значит?! Сколько он там должен был еще прожить – до 1965 года? А сдох сейчас...

Пытаясь осознать услышанное, Сталин взял со стола трубку.

– Лаврентий, ты думаешь, наши потомки нас обманывают? – медленно произнес он.

Берия экспансивно махнул рукой.

– Да нет, товарищ Сталин, с этим как раз все нормально, ложь я бы заметил. Я с ними глаза в глаза говорил, и с Бережным и с Ларионовым. Тут другое... В их истории все так и было... И Черчилль прожил до 1965 года. Но там был разгромлен наш Крымский фронт и пал Севастополь. А Крым мы освободили только весной сорок четвертого. Понимаете, товарищ Сталин, у нас теперь своя история, которая все дальше и дальше отходит от их варианта...

– Это радует... – Сталин чиркнул спичкой, – товарищ Берия, а может, вам известно, от чего умер старина Уинни?

В ответ блеснули стеклышки пенсне.

– Мой источник сообщает, что старина Уинни умер от инсульта. Более того, перед самой смертью он обсуждал с моим британским коллегой, Стюартом Мензисом, наши крымские дела...

– Плохо работаете, – меланхолично заметил Сталин, посасывая трубку, – дожили – британский премьер обсуждает со своим главным шпионом самый большой секрет СССР.

– Работаем хорошо, – возразил Берия, – несколько моих человек были в этой самой аналитической группе, которую британцы собрали по «Крымскому вопросу». Им известны только случаи, когда спецтехника была задействована во фронтовых операциях, и слухи, что мы распускали вокруг бригады Бережного и эскадры Ларионова... Я вам сразу говорил, что такого слона невозможно спрятать под ковер. Если сложить в кучу все, что стало известно об эскадре, то получается бред сумасшедшего.

– А, ладно... – Сталин взмахнул рукой с зажатой в ней трубкой, – поздно плакать над разлитым молоком. Надо будет сказать Вячеславу, чтобы послал королю официальное соболезнование. От лица товарища Сталина и всего советского народа. Это был враг, но он был достоин уважения, не то что некоторые... Кстати, кто там у них после Черчилля?

– Пока его зам, Климент Эттли, – ответил Берия. – Британия в смятении: устраивать выборы, сейчас...

– Ладно, Лаврентий, пока они в смятении, мы должны действовать. – Сталин прошелся по кабинету. – Что там у нас с Турцией?

– На Инению давят со всех сторон, и мы и немцы. После потопления двух итальянских линкоров и повреждении крейсера, последовавшие сразу после форсирования Босфора, Берлин временно вышел из игры. Они получили и то, чего хотели, и то, чего не ждали. Теперь просто не знают, что им еще потребовать от бедных турок. Теперь по нашим делам... Вчера товарищ Громыко прилетел в Севастополь, а сегодня он на крейсере «Молотов» в сопровождении эсминца «Адмирал Ушаков» отправится в Стамбул. Переговоры договорились проводить там. Если книги потомков нам не врут, то товарищ Кузнецов прав: арктические конвои станут самым главным путем снабжения нашего фронта всем, что сейчас не может произвести наша промышленность. Оборудование для спецпроизводств мы тоже планируем закупить у Рузвельта. Обе подлодки, сторожевики и противолодочный корабль, понадобятся нам в Мурманске.

– Хорошо, Лаврентий. – Сталин бросил взгляд на закрытую крышку стоящего на столе ноутбука. – Что у тебя со специнститутом? Чем раньше мы начнем работу, тем легче нам будет потом.

– Все готово, товарищ Сталин, – отрапортовал Берия, – здание института в Куйбышеве освобождено, электричество 220 вольт на 50 герц подведено. Ждем дорогих гостей. С нашей стороны начат подбор ключевых сотрудников. В первую очередь думаем сделать упор на электронику и радиолокацию, причем, в перспективе не только на цифровую полупроводниковую, но и на аналоговую ламповую. Тут предел модернизации тоже далеко не достигнут. А в некоторых специфических условиях лампы значительно надежнее транзисторов. Самое главное – мы получили их компьютеры и специалистов по работе с ними. Один такой специалист с соответствующей техникой способен заменить миллион расчетчиков с арифмометрами. Если использовать этот ресурс централизованно, то можно получить резкое ускорение всех конструкторских работ, не связанных с воплощением изделия в металл. Любого изделия...

На рабочем столе Верховного Главнокомандующего загудел телефон ВЧ. Сталин снял трубку.

– Алло!

– Товарищ Сталин, докладывает генерал-лейтенант Василевский. Двадцать минут назад передовые части ОТМБ ОСНАЗ РКК под командованием генерал-майора Бережного прорвали немецкий фронт со стороны Лозовой, уничтожив при этом несколько вражеских опорных пунктов. В настоящий момент ширина прорыва составила восемь километров, и все время расширяется. На нашу сторону проследовала колонна специально назначения со спецтехникой и спецперсоналом. На станцию Купянск поданы эшелоны... Разрешите ввести в прорыв подготовленную для развития успеха маневренную конно-механизированную группу маршала Буденного? Под Лозовой идут тяжелые бои, а со стороны Харькова постоянно контратакуют части 6-я армии Паулюса. Бригаде ОСНАЗА срочно нужна помощь...

– Действуйте по заранее разработанному плану, товарищ Василевский, – Верховный немного помолчал. – И помните, на вас смотрят весь советский народ. Если что надо, звоните, не стесняйтесь.

Положив трубку, Сталин повернулся к Берии.

– Все, Лаврентий, началось. Список наших конструкторов, привлекаемых к работе в специнституте – через три дня мне на стол.

20 января 1942 года, Утро. Юго-Западный фронт, 5 км. севернее Изюма

Все положенные команды прошли по линиям полевой связи, и громада конно-механизированного корпуса была готова двинуться в путь. Семен Михайлович Буденный, садясь на коня, поплотнее запахнул бурку. Он вспоминал вечер 7-го января, когда его вызвал к себе товарищ Сталин...

Вождь встретил его как радушный хозяин: усадил к столу, угостил чаем. А глаза у него были внимательные, как у кота, караулящего мышь. В чем-то Коба был не уверен, и сейчас хотел проверить свои сомнения. Последний раз Буденный был в этом кабинете больше месяца назад, перед самым началом контрнаступления под Москвой. И теперь он заметил перемену обстановки. Странный прибор с открытой крышкой на рабочем столе вождя, потом нечто вроде небольшой радиостанции с телефонной трубкой, странной формы и рядами кнопок... Стопки книг и топографических карт в кабинете Сталина были явлением обычным, но было такое впечатление, что в этот кабинет переехал целый книжный магазин, причем букинистический. Присутствовали как старые истрепанные тома, аккуратно завернутые в газеты, так и новенькие книжки – судя по ярким кричащим обложкам, явно заграничного издания. Товарищ Сталин был утомлен, но в то же время доволен. Действительно, почти завершено второе после Москвы контрнаступление, к концу идет освобождение Крыма, остатки немецких войск теснятся на Ялтинском пятачке...

Но хозяин кабинета не дал маршалу времени для размышления.

– Семен, – сказал Сталин, допив чай, – есть мнение забрать тебя из резерва Ставки и поручить одно ответственное дело... Дело высочайшей секретности и государственной важности. – Ты согласен?

На осторожный вопрос Буденного с просьбой объяснить суть дела, Сталин заметил:

– Э нет, Семен, так не пойдет. Дело настолько важное и ответственное, что или ты, как храбрый человек, соглашаешься не глядя, и тогда сразу получаешь всю информации, или идешь и дальше кукуешь в резерве до следующей оказии. Дело настолько важное и секретное, что даже я не имею права рассказывать тебе о нем без твоего согласия на участие в этом деле. Ну?! – Видя нерешительность Семена Михайловича, он добавил: – Не бойся – ни на Кушку, ни на Чукотку мы тебя загонять не будем – дело боевое, это я тебе сразу говорю. Тем более что ты в Гражданскую в тех краях уже воевал.

И тогда Маршал Советского Союза, Буденный Семен Михайлович, 1883 года рождения, русский... по-кавалерийски махнул рукой, как рубанул шашкой, и сказал:

– Я согласен!

В резерве Ставки герою Гражданской войны сидеть надоело, хотелось настоящего дела.

– Хорошо, Семен, слушай... – Сталин вытащил из коробки папиросу «Герцеговину Флор» и стал медленно крошить ее в трубку. – Товарищ Буденный обстановка на фронтах требует срочно сформировать конно-механизированный корпус нового типа... Ты не ослышался – не конный, не механизированный, а именно двойной... Конно-механизированный. Возьмешь из резерва Ставки на Юго-Западном направлении три кавалерийских дивизии и две танковые бригады из легких танков Т-60... Корпус должен быть готов к бою через десять дней. Перед корпусом будет поставлена задача особой важности, приравнивающая его действия к фронтовому масштабу. Нет, Семен, фронт тебе прорывать не придется, это для тебя сделают другие люди, причем с обратной стороны. Твоя задача – войти в чистый прорыв и устроить немцам такую же веселую жизнь, какую ты устроил полякам в двадцатом, помнишь?

– Глубокий рейд, – кивнул Буденный. – Скажи, Коба – где и на какую глубину?

Сталин подошел к висящей на стене карте и ткнул остро отточенным карандашом сначала в точку под названием Изюм, а потом в Мелитополь.

– Вот отсюда! Вот сюда! Твоя задача состоит в том, чтобы Клейст не смог отвести за Днепр ни одного танка, орудия или солдата, вся его первая танковая группа должна навечно остаться в наших степях. В этом тебе поможет бригада полковника Бережного, которая очень успешно показала себя при освобождении Крыма...

– Коба! – воскликнул Буденный, от возмущения встопорщив усы. – Как бригада может помочь корпусу, тем более усиленному почти до армии?!

– Эта – может, Семен! – сказал Сталин, выбивая пепел из трубки. – Рано или поздно ты все равно узнаешь, так что слушай... Вечером четвертого января, неожиданно-негаданно, в Крыму объявились наши дальние родственники, троюродные внучатые племянники... – Дальше Семен Михайлович услышал краткую фантастическую историю, которые обычно приходят в головы писателей-фантастов, вроде Герберта Уэллса.

Утром восьмого января Семен Михайлович прибыл в район станции Купянск, куда к полудню из района формирования, расположенного где-то в Сибири, подошел первый эшелон одной из кавалерийских дивизий. Даже будучи занятым процессом сколачивания корпуса, Семен Михайлович не забывал о том разговоре в Кремле, и внимательно ловил любую информацию о том, что происходило в Крыму и на Черном море вообще. Плюс к тому, маршалу СССР в ходе войны удалось узнать то, что простые граждане СССР смогут узнать через двадцать, пятьдесят или семьдесят пять лет соответственно... Картина получалась и захватывающей, и пугающей одновременно.

А уж когда этот Бережной, со своим ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК, выскочил из Перекопа как чертик из табакерки и пошел на север, по дороге, походя затоптав Гудериана вместе со всеми его дивизиями – в этот самый момент Семен Михайлович понял – пора!

И точно – теперь Сталин звонил ему по два раз в день, вникая в каждую мелочь подготовки корпуса к рейду. По его же приказу танковым бригадам были приданы мобильные мастерские, укомплектованные рабочими автозаводов и механиками машинно-тракторных станций. Шестнадцатое, семнадцатое, восемнадцатое, девятнадцатое число прошли в страшной суете. Бережной, проткнув германский фронт, как шашка, всаженная в живот супостата, шел на север, по пути громя немецкие тылы и уничтожая мелкие гарнизоны. А Василевский, сменивший Тимошенко, Буденный, Малиновский, и сотни тысяч людей, сами того не зная, готовились к первой операции Красной Армии на окружение и полное уничтожение противника.

Вечером девятнадцатого в штаб Юго-Западного направления пришло известие – бригада Бережного заняла Лозовую. По прямой от Лозовой до Изюма всего шестьдесят пять километров. Остался последний рывок. В течение ночи 1-й конно-механизированный корпус маршала Буденного скрытно покинул район сосредоточения в районе Купянска и занял исходные позиции в непосредственной близости к фронту.

В шесть часов утра, еще в полной темноте, Семен Михайлович прибыл на НП дивизии, оборонявшейся южнее Изюма. Чуть позже туда же подъехал генерал-лейтенант Василевский. Все ждали семи часов утра.

Прорыв фронта «с обратной стороны» не походил ни на что, ранее известное. Просто в сероватой предутренней мути на воздух взлетел один из немецких дотов. За ним второй, третий, четвертый... Невидимые отсюда самолеты бомбили немцев тяжелыми бомбами с высоты в несколько километров. Необъяснимым образом все бомбы точно попадали в цель, разрушая самые мощные очаги немецкого сопротивления. Через четверть часа самолеты улетели, оставив после себя три десятка дымящихся воронок на месте дотов. Далее операция по прорыву фронта продолжилась налетом винтокрылых штурмовиков, которые еще разок прошли по руинам опорных пунктов огненной метлой... Потом в кармане у генерал-лейтенанта Василевского что-то запищало, и он вытащил наружу продолговатую коробочку из черного эбонита, чуть побольше пачки сигарет.

Неожиданно коробочка рывкнула сильным простуженным басом с мягким южнорусским акцентом:

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, здесь майор Рагуленко... Будем на месте через пару минут!

«Рация? – подумал Буденный. – Неужели возможно сделать такую маленькую? Наверняка от «внучатых племянников»...»

– И ты будь здоров, товарищ майор, – чему-то улыбнулся Василевский, – много немцев-то перебил?

– Та я от самой Чаплинки в головном дозоре прошел, товарищ генерал-лейтенант, у меня с немцами получается право первой ночи! – засмеялась коробочка. – Это как в анекдоте – «меняем третий забор». Короче, товарищ генерал-лейтенант, мы начинаем. Конец связи.

Через несколько минут полуразрушенные и приведенные к молчанию вражеские опорные пункты с тыла атаковала подъехавшая на танках и немецких полугусеничных тягачах пехота в белых камуфляжных халатах. Причем Буденный не поверил своим глазам – на танках были красные немецкие «фартуки» со свастиками...

Генерал-лейтенант Василевский, наверное, тоже не понял происходящего. Он снова вытащил свою рацию.

– Майор, что за дрянь ты напялил на свои БМП?

– Новая фишка сезона, – ответил Рагуленко, – товарищ генерал-лейтенант, это называется «верни немцам долг за Бранденбург». Сейчас, через пять минут, быстренько всех вырежем – и готово...

Добивание гарнизонов опорных пунктов продолжалось чуть больше пяти минут. Еще через несколько минут на той стороне возле небольших железных ящиков начали возиться люди... Потом с грохотом в немецких и наших минных полях возникли четыре широких прохода примерно десятиметровой ширины. Полоса свободная от мин была отмечена черной взорванной землей.

Пора! Поправив на боку шашку, Семен Михайлович Буденный пошел в прорыв, навстречу своей новой судьбе.

20 января 1942 года, Вечер. США. Вашингтон. Белый дом

Президент Франклин Рузвельт, и его помощник Гарри Гопкинс

Президент США обращался к своему другу и личному представителю Гарри Гопкинсу чаще всего тогда, когда предстояло принять важное решение. Так было и на этот раз. Пару дней назад Рузвельт получил очень важную информацию из России. В донесении исполняющего обязанности посла Соединенных Штатов в СССР шла речь о событиях, которые коренным образом могли изменить ход боевых действий на советско-германском фронте. А следовательно, и повлиять на судьбы всего мира. Для президента не было секретом то, что только русские могли сокрушить мощь чудовищной военной машины Гитлера. Английская мышиная возня в Северной Африке, где «томми» играли в пятнашки с «джерри» вокруг пальм и барханов, не могла идти ни в какое сравнение с тем, что происходило зимой 1941–1942 года под Москвой. Именно там решалась судьба всего мира. Об этом Рузвельт мог судить по рассказам Гарри Гопкинса, который в самый трудный для Советов момент побывал в Москве, где встречался с самим Сталиным.

Именно поэтому Рузвельт решил срочно вызвать в Белый дом Гарри, чтобы в беседе с ним попытаться разобраться в своих сомнениях, возникших у него после прочтения послания 2-го помощника американского посла Льюэллина Томпсона. Сам посол, Лоуренс Штейнгарт, напуганный немецким наступлением, сначала сбежал в Куйбышев, а потом, после серии панических телеграмм, был отправлен послом в Турцию.

Горри Гопкинс выглядел неважно. Похоже, что несмотря на то, что два года назад операция по удалению раковой опухоли прошла успешно, смертельная болезнь не оставила его и медленной подтачивала его силы. Но Гопкинс был человеком сильным. Нет, не в физическом плане, а в духовном. Он не сдавался и боролся со своим недугом.

– Как твое самочувствие, Гарри? – участливо спросил президент у своего друга.

– Фрэнки, надеюсь, что ты вызвал меня в Белый дом не для того, чтобы поговорить о состоянии моего здоровья, – ответил Гарри Гопкинс.

– Конечно, Гарри, ты не ошибся. Ведь ты прекрасно знаешь, что к твоей помощи мне приходится обращаться тогда, когда нужно разузнать то, чего не смогут заметить эти надутые индюки из Госдепа. Вот, почитай, что прислал мне из Москвы Томпсон. И вот еще – это раздобыли наши парни из военно-морской разведки через Турцию. Ознакомившись в первый раз с этими документами, я подумал, что все они тронулись рассудком или начали злоупотреблять крепкими напитками. Почитай, Гарри, и скажи, что ты обо всем этом думаешь... – С этими словами Рузвельт протянул Гопкинсу пакет из плотной бумаги.

Гарри Гопкинс сел за столик в Овальном кабинете, достал из пакета текст донесения помощника посла, несколько довольно неразборчивых фотографий и сопроводительную записку, написанную военно-морским атташе США при посольстве в Турции. Отложив фото в сторонку, он стал читать. По ходу чтения он несколько раз удивленно хмыкал, озадаченно тер затылок, а закончив изучать бумаги, полученные из Москвы, принялся рассматривать фото и читать приложенное к ним донесение.

Потом Гопкинс пристально посмотрел на президента.

– Слушай, Фрэнки, а не подсунули ли русские нашим парням очередную дезу? Я знаю, что они большие мастера пускать пыль в глаза. Уж больно тут все смахивает на сказку. Что-то вроде волшебной Страны Оз, из которой появились корабли под военно-морским флагом Российской империи, и моряки с погонями, от которых большевиков должно трясти, как раввина, увидевшего кусок ветчины.

– Нет, Гарри, все это есть, – сказал Рузвельт, – мы перепроверили эти данные по каналам нашей разведки. Все сходится. Эта таинственная эскадра существует, от нее крепко досталось парням Геринга и 11-й армии Манштейна, которая совсем уже была готова взять Севастополь. И вот вместо блестящей победы эта армия потерпела полное поражение, а сам Манштейн сейчас сидит в подвале на Лубянке, где с ним ведут душеспасительные беседы «богословы» из ЧК.

– Из НКВД, – машинально поправил президента Гарри Гопкинс. – Слушай, Фрэнки, но если это все правда, то тогда Советская Россия за год-полтора сможет окончательно победить Гитлера и стать полной хозяйкой в Европе... Англия не в счет. Ей уже никогда не быть достойной соперницей России. Франция – та с задранной до ушей юбкой покорно лежит под немцем, и лишь иногда слабо попискивает голосом маршала Петэна, заклиняющего своих почитателей беречь семейные ценности и покорно выполнять все требования оккупантов. Ну а мы... мы просто не сумеем и не успеем что-либо сделать в Европе для того, чтобы нас пригласили за стол победители в войне. Тем более сейчас, у нас есть куда более насущные вопросы – проклятые джапы с удивительной легкостью захватывают колониальные владения британцев, французов и голландцев. Да и нам от них достается изрядно. Боюсь, что Филиппины мы уже потеряли. На очереди Гавайи? Нас спасает только то, что у японского командования глаза разбегаются во все стороны: Индия, Австралия, Гавайи, Аляска... У русских есть поговорка, что-то вроде «за двумя кроликами погонишься, ни одного не поймашь...» Если они и дальше продолжают в том же духе, то у нас есть шанс успеть мобилизовать всю нашу промышленность и задавить джапов. Но без помощи русских война на Тихом океане затянется года до сорок восьмого-пятидесятого. А если им удастся выбить кузенов из Индии, то и того больше...

– Гарри, ты, как всегда, прав. Поэтому я прошу тебя, как своего друга, снова слетать в Москву и попытаться разговорить Сталина. Я хорошо понимаю, что это нелегкая задача, и Дядюшка Джо умеет хранить тайны... Кстати, Гарри... – Рузвельт достал длинный мундштук, вставил в него сигарету, и закурил. – После ознакомления с примерно такой же информацией старину Винни хватил удар.

Гопкинс удивленно посмотрел на президента.

– Да-да, Гарри, я не знаю, чего там напридумывали аналитики из SIS, но сэр Черчилль не смог пережить всего этого. А ведь он много чего повидал на свете, воевал, был в плену у буров, готовился к расстрелу. А вот этого не пережил. Нашей разведке удалось узнать, что его последние слова были о «Втором Пришествии». Потому-то ты должен точно выяснить, что происходит на Черном море, откуда взялись там новейшие корабли, включающие авианосец, самолеты с совершенно фантастическими летными характеристиками, и что кроется за этим маскарадом с погонами и царским военно-морским флагом. Например, «джерри» на полном серьезе подозревают нас в организации всего этого. Можешь обещать Сталину все что угодно. Во-первых, обещания – это только слова, и потом можно будет от этих слов отказаться под любым благовидным предлогом. А во-вторых, как мне кажется – а ты знаешь, Гарри, интуиция меня редко подводит – все затраты потом окупятся сторицей, если мы разгадаем секрет этой эскадры и сможем получить доступ к новейшим технологиям. Но пряником их помани лишь тогда, когда они, как тебе покажется, пойдут нам навстречу. А если нет, покажи кнут – намекни, что помощь по ленд-лизу может быть ограничена. Или прекращена вообще – ссылайся при этом на наши трудности на Тихом океане. Хотя, черт, без русских нам с джапами в разумный срок не справиться... Если они не поддадутся на твой шантаж, тогда начинай разговаривать с дядей Джо серьезно. В крайнем случае, меня устроит, если по итогам этой войны Россия и Америка станут двумя равновеликими государствами. Мы в западном полушарии, они в восточном. Доктрину Монро официально еще никто не отменял.

– Но, Фрэнки, – возразил Гопкинс, – тогда мы должны списать кое-что с баланса наших английских кузенов. Если война в Европе не принесет нам дивидендов, то зачем вкладываться в нее?

– После кузенов останутся Канада и Австралия – выморочное имущество, – Рузвельт затаился папирасой. – Индию Дядюшка Джо наверняка захочет для себя за помощь против джапов. В общем, пора в дорогу, Гарри. Сегодня вечером тебя ждет самолет, на котором ты вылетишь в Москву. Торгуйся за каждый цент, и да прибудет с тобой Господь...

21 января 1942 года, Раннее утро. Юго-Западный фронт, станция Лозовая

Командующий 6-й армией РККА генерал-майор Авксентий Михайлович Городнянский

После почти суточного марша передовые части 6-й армии вошли в Лозовую. Было раннее утро, еще не рассвело.

Станцию обороняли всего два батальона мехбригады ОСНАЗ генерал-майора Бережного, но еще вчера вечером введенные в прорыв в первом эшелоне части 6-го кавкорпуса перерезали железную дорогу в тылу у немецкой группировки штурмующей Лозовую. Почувыв запах паленого, немецкая пехота, бросая тяжелое вооружение, стала стремительно откатываться на рубеж реки Орель. Дорога на Павловград для них была закрыта, станцию и железнодорожный мост оборонял арьергардный комендантский батальон НКВД из состава все той же мехбригады.

А вот у ОСНАЗовцев этого самого тяжелого вооружения – горы. Пока ехал по станции, видел, что все свободное место заставлено техникой. Обычной пехоты нет, только моторизованная. И не на полуторках или Зис-5, а на новейших пехотных танках и трофейных немецких полугусеничных тягачах. Даже артиллерия у них не на конной, и даже не на механической тяге, а самоходная. Способна идти прямо в боевых порядках танков и мотопехоты... По названию бригада, а присмотришься – по мощи корпус или даже поболее... Да и люди особенные – ведут

себя спокойно, не суетясь, кажется, что у половины бойцов немецкие пулеметы МГ. Победители Манштейна и Гудериана, как-никак.

Эмка остановилась у здания станционного вокзала. Именно здесь, как мне сказали на КПП, и находится штаб бригады. Часовой в белом камуфляжном масхалате проверил мои документы и привычно козырнул. На вопрос, как найти генерал-майора Бережного, Часовой только махнул рукой.

– Зайдите, товарищ генерал-майор, и сами все увидите. В крайнем случае спросите.

Внутри было светло,людно, шумно, где-то тарахтел дизель. Я остановился, не понимая, куда я попал. Дело в том, что почти половина присутствующих имели вполне белогвардейский вид из-за наличия на плечах погон. Тем не менее другая половина представляла из себя командиров РККА, которые не обращали никакого внимания на снующих повсюду поручиков, подпоручиков и штабс-капитанов. Более того, я увидел в этой плотной группе и нового командующего Юго-западным направлением генерал-лейтенанта Василевского. Он-то как сюда успел попасть? Василевский стоял и разговаривал с невысоким худощавым офицером возле стены, где до войны висело расписание поездов, а сейчас была растянута огромная карта района боевых действий.

Штабные операционисты со стремянок наносили на карту текущую обстановку. Вглядываясь в карту – и захватывает дух. Да, плохи дела у немцев: 17-ю армию Гота бригада ОСНАЗа нашинковала мелкими ломтиками. Разгромлена станция Синельниково, захвачены и удерживаются станции Павловград и Лозовая... А ведь там были все немецкие армейские тылы. Подъезжал – видел: все пути на станции забиты вагонами с германской маркировкой. И судя по карте, конно-механизированный корпус Буденного, форсировавший фронт прямо перед нами, уже подходит к Павловграду, форсируя реку Самару по удерживаемым осназовцами мостам, а после краткого отдыха двинется на Синельниково. Следом за ним движется 5-й кавкорпус Гречко, который за Павловградом должен повернуть на Сталино вдоль левого берега реки Самары. Все это я ухватил за какие-то секунды, лишь только увидев карту. А уже в следующее мгновение, генерал-лейтенант Василевский поднял глаза и заметил меня.

– Авксентий Михайлович, – подозвал он меня к себе, – знакомьтесь: генерал-майор Бережной Вячеслав Николаевич, командир мехбригады ОСНАЗа.

Мы пожали друг другу руки.

– Авксентий Михайлович, необходимо как можно быстрее сменить людей Вячеслава Николаевича на позициях. Здесь они свое дело сделали, и позарез нужны нам в другом месте... В кратчайший срок необходимо перебросить не меньше полка на Павловград...

– Товарищ генерал-лейтенант, – вскричал я, – люди устали, просто с ног валятся! Сутки на ногах – сюда шли, думали, дойдем, хоть отдохнем...

– Александр Михайлович, – как-то по свойски обратился Бережной к Василевскому, – а что если я дам товарищам сотню трофейных тягачей? С отдачей, разумеется. Думаю, часа за два – два с половиной доставим полк до Павловграда. По пути еще и выспятся. Вон у Буденного конники на марше в седлах спать умудряются. Или другой вариант – тут на путях пустой немецкий товарняк. Пути мы не разрушали. Прицепим паровоз и домчим вообще за час...

Василевский кивнул.

– Второй вариант лучше, Вячеслав Николаевич – ваша бригада, причем собранная в кулак, срочно нужна нам под Славянском. Пока там, под Новоявленкой, только ваш танковый батальон и один механизированный батальон морской пехоты. А этого мало. Один мехбатальон еще не вернулся после обеспечения прорыва 6-го кавкорпуса из-под Савинцов... Штаб, артиллерийское хозяйство и два мехбатальона пока здесь. Майор Санаев со своими вообще застрял в Павловграде. Так что сдавайте позиции Авксентию Михайловичу и переносите тяжесть операции в район Краматорск – Артемовск. 37-ю армию надо тоже выпускать на

простор. Да, у вашей разведки есть какие-нибудь известия о том, куда передислоцировался штаб 17-армии и сам генерал Гот?

– А никуда... – Бережной махнул рукой. – В ночь перед прорывом через Барвенково, где дислоцировался штаб Гота, прошел батальон майора Рагуленко, который в своей излюбленной манере, не глядя, набросал трупов и умчался дальше – вскрывать для Красной Армии линию фронта. Дело было в два часа ночи, и Гот со своими штабными так и остался валяться на огородах в одних подштанниках. У этого Рагуленко недаром прозвище еще со старых времен – Слон. Давит не глядя...

Оба засмеялись.

А потом генерал-майор Бережной вызвал подполковника Юдина и прикрепил его ко мне для содействия на время передачи позиций. Как наша армия те позиции в районе Лозовой-Павловграда заняла, так и сражалась на них, пока после ликвидации группировки Клейста в середине февраля к Днепру не начал выходить весь Южный фронт. Бригаду ОСНАЗа, как мне стало известно, перебросили под Славянск, который и был взят к исходу 22 января, когда конно-механизированный корпус Буденного уже рубил и давил немцев под Запорожьем, а перешедший в наступление Крымский фронт занял левобережье Днестра южнее Каховки.

Очень сильно нам помог совет генерал-майора Бережного собирать на поле боя и брать на вооружение немецкие пулеметы. Благодаря этому наши бойцы легко отбивали атаки немецкой пехоты, которую в силу крайнего истощения не могли поддержать их танки и авиация. В те горячие дни нас так и не смогли сдвинуть с тех рубежей, которые нам оставили бойцы ОСНАЗа. Наши бойцы их еще расширили и углубили, в результате чего смогли вполне успешно выполнить боевую задачу, отбивая одну атаку немцев за другой.

21 января 1942 года. Утро, 07:55. окрестности поселка Новоявленная

Майор морской пехоты Сергей Рагуленко

Вместе с танкистами майора Деревянко мы ворвались в этот населенный пункт на рассвете. Со стороны Барвенково вот-вот должны были подойти передовые части 1-го кавкорпуса генерал-майора Пархоменко – может, того самого, который герой гражданской войны... Вспоминаю – нет, не того. Того звали по-другому, да и погиб он в 21-м в бою с махновцами. Но и этот на Гражданке у Буденного до комполка дослужился, а значит, тоже, того... герой. Хотя, по моему скромному разумению, на такой паскудной войне, как Гражданская, не может быть героев. То ли дело сейчас!

Кроме 1-го кавкорпуса, в наш район должна выйти и 15-й танковая бригада полковника Колосова. Именно им мы и открыли дорогу, с дальнейшей задачей совершить охват Славянской группировки противника через Краматорск и Артемовск.

День обещает быть жарким, естественно, в чисто боевом смысле. Мы тут должны перекурить, осмотреть технику, дожидаться товарища Пархоменко, чтобы в село в наше отсутствие не проникла какая дрянь, и к полудню перерезать железную и шоссейную дорогу Краматорск-Константиновка в районе разъезда Дружковка. Из Сталино, которое в наше время именуется Донецком, в направлении Славянска все время идут подкрепления. А вот это безобразие командование требует прекратить любой ценой.

Ночью по колоннам работали вертушки, да так, что любо-дорого было смотреть – зарево виднелось километров за пятьдесят. Мы думали, бензовозы горят, а оказалось – танки. Какой дурак привязывает над моторным отсеком бочки и канистры с бензином? Спросил об этом майора Деревянко – так и есть, немцы возили горючее таким экзотическим способом, по крайней мере, в начале войны. Когда канистры, а когда и бочки.

Вот наши летуны их и наказали за нарушение правил пожарной безопасности – просто прочесав колонну с кормовых углов из пулеметов... Говорят, все «Штурмы» обратно привезли, ни один не понадобился – сгорели немцы на собственном горючем. Но это не последняя колонна, да и пехоту с артиллерией так просто не возьмешь. Пока ждем кавалеристов, механики проверяют ходовую часть, а мы с ребятами решили прогуляться по поселку.

Первое впечатление – мертвая тишина. Нет обычного для деревенских мест собачьего лая. Ведь как бывает обычно: пробежала кошка – и весь собачий бомонд в полный голос обсуждает это событие. А тут нет ничего – проклятые фашисты перебили всех тузиков и шариков. Правду писали, что немцы собак ненавидят больше, чем евреев и комиссаров, вместе взятых.

Под сапогами хрустит снежок, мороз градусов десять. На площади перед сельсоветом обычный для истинных арийцев «аттракцион» – виселица. Вот она, культура, которую нам несут европейские цивилизаторы. Обычно мы снимаем казненных подпольщиков, красных командиров и просто людей, недовольных новым порядком, и отдаем тела для погребения местным жителям.

А их место на виселице потом занимают всякие бургомистры и полицаи. Причем доказательств их преступной деятельности обычно более чем достаточно. Так что трибуналу не особо приходится напрягаться. Время военное, сотрудничество с оккупантами налицо, так что – милости просим в петлю. Прочувствуйте сами на своей шее, что чувствовали те, кого вы с таким холуйским рвением казнили, выслуживаясь перед хозяевами. И не получают они за это десять лет лагерей, как другие «жертвы сталинизма», и не будут потом рассказывать доверчивой молодежи об «ужасах ГУЛАГа». Особую ненависть вызывали всякого рода «переметнувшиеся», то есть бывшие сотрудники партийных и государственных органов СССР, перешедшие на службу к нацистам. Танкисты мне рассказали, что после нас в Барвенково одного такого подвесили не за шею, а за ноги. Долго сдыхал собака.

Там же был штаб 17-й армии Гота, а я и не заметил. Темно было, проехал, всех подавил, пострелял, и двинулся дальше к фронту. А танкеры Деревянко туда после нас вышли и навели порядок. В этом населенном пункте находился офицерский бордель, куда фрицы собрали наших самых красивых женщин из числа военнопленных. Насиловали их там страшно.

Подходим к сельсовету, а стало быть, и к виселице... С сельсовета немецкая тряпка уже сорвана, и развеивается над ним наш советский флаг. Под виселицей рядком на снегу четверо казненных. Двое мужчин, женщина и ребенок. У женщины с ребенком таблички «юде», у мужчин – «партизан». Европейская культура во всей ее красе. Даже трудно понять, как долго они тут провисели – зима.

Капитан Топчиев, командир разведзвода в моем батальоне, а по совместительству военный дознаватель, приносит нам на подпись три дела. Вот они, голубчики – топчутся под виселицей: двое в штатском, с белыми повязками, и немецкий офицер, длинный как жердь. Они, по идее, и должны занять под перекладной место честных советских граждан. Но нельзя – таков закон, который требует, чтобы этих гадов судили. Хорошо хоть «пгавозащитников» тут нет. А немец-то как попал в эту компанию? Читаем. Так, бургомистр, начальник полиции, показания односельчан... В топку обоим – в смысле, под трибунал. Подписываем дела, почти не глядя. Так, немец... Рихард Ратцингер, обер-лейтенант, изнасиловал тринадцатилетнюю Люду Афанасьеву, а когда мы ворвались в село, то застрелил ее и попытался скрыться. Был опознан среди военнопленных родителями девочки. Безусловно, герр Ратцингер никакой не военнопленный, а банальный убийца и насильник малолетних. И ничего, что в РФ для этих уродов нет смертной казни – здесь-то есть.

Подписываем и эту бумагу. И теперь, «по уставу», мы должны доставить этих уродов в Лозовую, где сейчас находится штаб Юго-Западного фронта и все его службы, включая и трибунал. А это, между прочим, шестьдесят километров по прямой, и больше ста со всеми

дорожными загогулинами. Транспорта для перевозки арестованных у меня вообще нет – что, мне теперь для этих гадов вертушку вызывать? А не жирно будет?

Подзываю к себе капитана и излагаю ему свои соображения. В ответ он кивает – согласен значит, что с доставкой арестованных в трибунал у нас напряженка.

Тогда я сделал капитану предложение, от которого он не мог отказаться.

– Товарищ капитан, не лучше ли будет, если немец, к примеру, нападет на конвой, а эти два холуя немецких попробуют в это время бежать?

Тот кивнул. Решительным шагом Топчиев подошел к обреченной троице и приставил свой ППД к солнечному сплетению обер-лейтенанта. Ух как завыл, задержался юберменш, когда понял, что его сейчас того... Ему-то фюрер совсем другое обещал. Ничего, придет час, мы и его фюрера достанем. Бойцы Топчиева распутывают герру Ратцингеру руки, тот пытается немеющими пальцами схватиться за ствол автомата... Короткая очередь в упор – готов! Бойцы пинками посылают двух изменником в забег без финиша, и через несколько секунд стреляют им в спину. Все, приговор приведен в исполнение. Мы только начали свой освободительный поход, а по пути до Ла-Манша у ребят будет богатая и обширная практика. Надо перебить еще много всякой сволочи, что пока еще выслуживается перед оккупантами.

Через несколько минут читаю объяснительную капитана о произошедшем ЧП с арестованными. Он там пишет, что эти гады напали на конвой с целью захвата оружия и пытались бежать. Подписываюсь. Трибуналу меньше работы, да и лишние бумаги плодить ни к чему.

Конники Пархоменко, их передовой кавполк, вошли в поселок ближе к десяти часам утра и в первых рядах сам Феофан Агапович. Обменявшись с ним приветствиями, мы передали кавалеристам позиции, а сами на полном ходу рванули к Дружковке. Двадцать пять километров по снежной целине.

Вышли мы на позиции удачно, то есть своевременно. Со стороны Сталино к полустанку подходила огромная колонна мотопехоты, самоходок, артиллерии. Жирная черная змея из грузовиков и тягачей четко видна на белой снежной целине.

Разворачиваемся в боевой порядок: сначала танки, потом БМП, а уж потом тягачи с пехотой. Танки и БМП открывают огонь по немцам с двух километров. Ахт-ахтов в этой каше, кажется, нет, так что занятие сие почти безопасно. Рвутся снаряды, пылают грузовики. Немецкие расчеты пытаются отцепить и развернуть орудия, но попадают под прицельный огонь автоматических пушек БМП и сопровождающих нас «Панцирей».

Несколько минут такого обстрела, и вот звучит команда «вперед». Танки рвут с места, следом трогаются БМП и полугусеничники. Несколько уцелевших «колотушек» открывают по нам огонь, но их быстро давят. Кажется, у одной тридцатьчетверки сбит гусеница, еще одна застыла неподвижно, но не горит. Стараемся выжигать эту дрянь из автоматических пушек. По счастью, фаустпатрон немцами еще не изобретен, так что пехота перед нашими танками почти бессильна, а позади нас разворачивается наша родная пехотная цепь и ревет флотская «полундра». Аллес!

Танки доходят до дороги, и начинается бойня. Суки! А как они наших так же в сорок первом давили? Потом туда же сваливаемся мы, начинается куча-мала. Убегающих и отстреливающихся перебили, сдавшихся почти нет. На небольших бугорках справа и слева от дороги начали оборудовать опорные пункты. Ротные саперы трофейными тротильовыми шашками рвут мерзлую землю, глубина промерзания – до тридцати сантиметров. Дальше стало легче; бойцы вгрызаются в землю по уши, ибо только это сделает нашу оборону неприступной, если Клейст бросит сюда еще подкрепления. В конце концов, он только начал скрести у себя по сусекам. Здесь, на этих позициях, мы будем ждать сбора бригады, потом сдадим их 255-й стрелковой дивизии и рванем дальше.

21 января 1942 года. Вечер, 20:45. разъезд Дружковка

Командир бригады генерал-майор Бережной

Сражение за Дружковку теперь войдет в анналы военной истории. Вообще-то я шучу, но в каждой шутке есть доля истины. Рубка идет страшная – пожалуй, блекнет даже наше дело под Саками. Клейст бросает к Славянску все, что может найти под рукой. Но в нашей редакции событий времени и сил у немцев куда меньше.

Во-первых, операция развивается значительно быстрее, а ночной разгром штаба 17-й армии в Барвенково привел к тому, что управление войсками оказалось утеряно, и начался хаос. При этом наши умудрились потерять командующего армией генерала Гота. То, что он не ушел живым – это точно. Скорее всего, его неопознанный труп лежит в чьем-то огороде в одной ночной рубашке. Кроме того, в захваченной нами Лозовой находились все тыловые службы армии Гота. В том варианте истории у немцев имелось почти две недели на эвакуацию тылов в Павлоград и Синельниково. А наш удар из глубины их собственных тылов лишил их в первую очередь всех запасов.

Зато мы пополнили свои запасы патронов под трофейные пулеметы, рембатовцы разжились запчастями к трофейной технике. У нас со Сталиным уже был разговор на эту тему. Трофеи – это паллиатив, вынужденная мера. Необходимо иметь свою технику аналогичного назначения, приспособленную к нашим условиям. По снежной целине этот полугусеничник не идет, вязнет. Сначала трассу для него должны укатать танки и БМП, а уж потом он сможет по ней пройти. Наступит весна, и, как я понимаю, станет еще веселее. Но сейчас речь идет не о мобильности.

Уже двенадцать часов мы насмерть стоим под этим разъездом, перемалывая все, что бросает против нас Клейст. Передо мной лежит карта, и синие стрелы на ней направлены в сторону Славянска. Как и в тот раз, Клейст перебрасывает резервы на север, чтобы удержать за собой этот железнодорожный узел. Только мы опередили его в темпе и сумели перерезать и шоссейную, и железную дороги. Сейчас на позициях... Нет, смотреть это дело надо своими глазами.

Набрасываю на плечи свою «осназовскую» утепленную куртку и выхожу из штабного кунга. Если верить пленным, то немцы нас уже начали узнавать именно по нашему камуфляжу. И если свидетелей наших крымских походов почти не осталось, то тут масштаб совсем иной, мы слишком заметны. Надо будет или всю Красную Армию переводить на нашу форму, или нам примерять их ватники и командирские полушубки. Три бойца личной охраны, закрепленных за мною майором госбезопасности Санаевым, тенью двинулись за мною следом. Положение обязывает.

Комбата-4 я нашел на его НП, который находится прямо перед разъездом у железнодорожной насыпи. Несмотря на наступившую темноту, а может быть, и благодаря ей, бойцы с тяжелым хеканьем продолжали зарываться в землю. Бойцы, бойцы, бойцы... пятнистые куртки морпехов из будущего, черные бушлаты черноморских моряков... Но больше всего – ватников цвета хаки бойцов из подкрепившего нас после полудня полка 255-й стрелковой дивизии.

Мы вместе отбивали немецкие атаки, а ближе к вечеру один раз даже дошло до того, что пришлось резаться на штык с озверевшими немецкими гренадерами. Это была их последняя атака за сегодня. Никогда не верил, что немцы ходили в атаку пьяными... Теперь убедился – ходили. А вот ответная контратака была откровенной дуростью. Когда немцы, не выдержав схватки, дрогнули и побежали, бойцы нашей бригады, подхватив своих раненых и убитых, заучено скатились в окопы, готовые проводить противника свинцом. Мы не зря готовились к этой операции – черноморские моряки, прошедшие наш учебный лагерь под Армянском нас

не подвели: не поддались первому порыву, а дисциплинировано выполнили команду. Когда наши бойцы уже были готовы открыть огонь, то с ужасом и отчаянием увидели, что наша героическая пехота, двадцатилетние стриженные пацаны, уставив перед собой винтовки с примкнутыми штыками, погнались за убегающими фашистами. Немецкие пулеметчики на флангах не упустили своего шанса: пулеметный перекрестный огонь – это страшно. Особенно страшно, что с военной точки зрения эта дурацкая контратака была ни к чему. Из более чем сотни бойцов вернулось не больше десятка. И среди них – тот самый капитан, который и устроил этот кошмар.

Как сейчас помню: прямо в окопе, на глазах у бойцов, я его по морде – хрясь! С моей спецподготовкой мог бы убить сразу, поэтому старался сдерживаться.

– Тебе, – спрашиваю, – сука позорная, кто такой приказ давал? – Поднял за шиворот: глаза шальные, морда в крови, и еще раз добавил – с другой стороны, для симметрии.

Тут и Санаев прибежал на шум, Леонид наш, Ильич, тоже. А где майор ГБ появляется, там шум прекращается, и сразу наступают тишина и благолепие.

Майор вежливо поинтересовался, в чем тут дело. Я, честно говоря, так впервые сорвался. Наши выучены, а у моряков с дисциплиной куда лучше – на море без этого нельзя. Ну, я и сорвался.

– Я, – говорю, – каждого бойца берег, даже одного за сотню немцам жирно будет! А этот козел свежую роту непонятно зачем под пулеметы... Герой хренов!

Через час был трибунал, и капитана расстреляли... И поделом! Будь на его месте молодой лейтеха – ну, дал бы в морду, ну, обматерил бы, ну, заставил бы писать восемьдесят шесть похоронок с приложением высокохудожественного письма. Но капитан – кабан матерый, и должен понимать, что не в войну играет. Такому если власть дать – потом наплачемся. Ладно, помер Трофим, ну и хрен с ним!

С командиром полка я потом поговорил серьезно. Или он пляшет вместе с нами, или никакого дела не выйдет. Их нам придали для усиления, а не для исполнения номеров художественной самодеятельности со смертельным исходом. Пусть спасибо скажут, что выпал глубокий снег и без дорог немец вязнет. Откуда снег? Дожди, которые шли под Саками, здесь обернулись снегом по пояс, и немец вынужден тупо переть вдоль дорог. Тем более что все попытки движений по целине тут же засекались нашей авиаразведкой, и хитрецы получали «горячий привет» с воздуха. Причем не обязательно от наших.

По моему совету Сталин перебросил из Средней Азии несколько штурмовых авиаполков, вооруженных И-153 последних серий. Как истребитель, И-153 устарел в корне, но как штурмовик еще на что-то годился. 8 РС-82, четыре скорострельных пулемета ШКАС. По бредущей в колоннах пехоте самое то... Бронирование никакое, зато по маневренности у земли этот биплан уступает только ударному вертолету. И одно правило, которое вбивалось командирам полков и эскадрилий – только одна атака на предельно малой высоте! Обкидали колонну эрсами, простегали из пулеметов – и домой. На второй или на третьей атаке вас запросто собьют к чертовой матери. А завтра кто полетит бомбить и штурмовать – Пушкин? Если еще остался БК, то лучше найти еще каких-нибудь непуганых несчастных, и оторваться уже на них.

Тот, кто следовал этому нехитрому правилу, тот выжил и летает. Остальным не повезло. Ведь летчик-штурмовик, во-первых – атакует на такой высоте, что парашют использовать нельзя – слишком низко. А во-вторых – приземляться придется рядом с только что атакованными немцами... Лучше сразу застрелиться – над сбитыми пилотами фрицы лютуют страшно.

Правда, бывают и счастливые случаи. Вот, вчера пара из Ка-52 и Ка-29 возвращалась с охоты на командирские легковушки, штабные автобусы, посыльных мотоциклистов (этих особенно). Ведь наша РЭБ работает, радиосвязь мы Клейсту глушим капитально.

Возвращается такая пара с охоты; ребята злые, как собаки, ибо все цели – только внутри колонн. Не как в первый день, когда саперного полковника с адъютантом внаглую украл. Я

ведь этот рапорт утром читал. Осторожен стал немец, осторожен. Ну, наши летуны НАРами легковушку разнесли, но ни пленных, ни бумаг с этого не получили. Взяли обратный курс на временную базу в Барвенково – и тут сюрприз... Километрах в полтора от дороги подбитый «курносый» чадит, и герой-летчик из табельного нагана собирается отстреливаться от наседающего немецкого пехотного полка.

Ну, наши летуны быстро объяснили немцам, что «здесь вам не тут», и, пока капитан Кратов с «Аллигатора» крыл залегших немецких топтунов короткими очередями из своей 30-мм пушки, экипаж Ка-29 мастерски снизился и подхватил прятавшегося за своим аэропланом лейтенанта. Растерянным немцам осталось только нюхать конский топот да собирать из сугробов своих убитых и раненых. Хорошо то, что хорошо кончается...

Расстреляв все эрэсы, лейтенант Семенов Василий Васильевич решил добавить немцам из пулеметов. А уже это было совершенно лишним – именно на втором заходе и подловили его немецкие зенитчики. Втык он от своего командования получил страшный, ведь каждый самолет – даже такой, как И-153 – на счету. Будет теперь вечно дежурить по аэродрому, как лейтенант Кузнечик в одном широко известном в наши времена фильме.

Вот и НП, он же сейчас КП. Вхожу в дверь, пригнув голову. Смотровые амбразуры прямо под потолком, наблюдение только через перископы и стереотрубы. Фантазмагорическое сочетание – коптилка, заправленная трофейным керосином, и запитанный от аккумулятора пучок светодиодов под потолком. Командир батальона, капитан Хон, окончательно похудел и стал похожим на змею. Тут же мой начальник разведки, капитан Бесоев. Перед ними, на немецком бочонке из-под керосина – связанный немецкий офицер. Судя по всему, идет допрос, по схеме «ужасные восточные варвары сейчас живьем съедят бедного европейского мальчика». Европейский мальчик, кажется, того, в шоке. Права коренного арийца нарушены, и мир перевернулся.

Я кашлянул.

– Пытаете истинного арийцы, кровавые сталинские сатрапы?

Капитан Бесоев обернулся и расплылся в улыбке.

– А как же, товарищ генерал-майор! Разрешите продолжать?

– Продолжайте. – Присев на край стола, я с интересом посмотрел на немца. – Откуда это чудо, товарищи капитаны?

Бесоев сказал:

– Как стемнело, выслал в разведпоиск несколько смешанных групп, наших пополам с местными. Вот Степанов одного притащил. Остальные пока в поле.

– И что глаголет эта белокурая бестия? Грозит гневом фюрера и карой Нибелунгов? усмехнулся я.

Бесоев прищурился.

– Сначала вроде того... Но вот Паша – простите, капитан Хон – показал, что иголки можно совать не только под ногти... В общем, клиент был впечатлен. Вы не поверите, товарищ генерал-майор, но немца зовут Пауль Греф, обер-лейтенант, артиллерист. В результате первого допроса удалось выяснить, что немцы снимают артиллерию с южного фланга, с Миус-фронта, и перебрасывают к нам. Причем в колоннах все идет вперемешку, как уже готовый колбасный фарш... Пехотные взводы рассыпью, отдельные боеготовые танки, артиллерийские батареи. Мне кажется, что Клейст запаниковал. По дороге их изрядно пощипали наши «курносые» и ужасные «летающие мясорубки». Клиент говорит, что едва остался жив, когда в зарядный ящик орудия попал реактивный снаряд... – Бесоев отхлебнул чая из кружки. – Теперь дальше... – Лицо его стало серьезным. – Остальные наши группы пока ползают. Сведения, полученные воздушной разведкой, частично подтверждены. Наблюдение за перебрасываемыми войсками показывает, что основной удар немцы наносят по кратчайшему пути через нас на Краматорск, вдоль железной дороги. В контрударе участвует сборная солянка, готовых

резервов у Клейста нет. Часть его сил мы перемололи, когда вырывались из Крыма, часть после нашего рейда он веером направил на Павлоград, Синельниково, Запорожье, Каховку, и снова к Перекопу, пытаясь восстановить контроль над железной дорогой. Распыление сил получилось великолепным, а нас там уже нет.

– Выводы, товарищ капитан? – усмехнулся я.

– Выводы простые, товарищ генерал-майор. Опираясь на наблюдаемую картину и результаты расшифровки радиоперехвата, считаю, что если разгром Гудериана и наша пробежка по тылам в его же стиле были для немцев неожиданными, то наш поворот от Барвенкова на Краматорск оказался неожиданным вдвойне. По всем канонам мы должны были встать в районе Барвенково-Лозовая – на неделю, не менее, для пополнения и отдыха.

Да, сейчас «херр генерал» в шоке, и бросает в костер все, что найдет под рукой. Наши же части подходят и садятся в оборону по правому берегу реки Самара, и на участке Дружковка-Артемовск. Мы не рвемся любой ценой к Красноармейскому – зачем, если эта рокада уже перерезана у Павлограда. Сегодня ночью наши неутомимые майоры Рагуленко и Дервянко ударом с тыла вскроют немецкий фронт в полосе нашей 37-й армии, и немцы в Славянске попадут в кольцо. Бойня, конечно, будет страшная – опыта уличных боев у наших еще нет. Но, без сомнений, через несколько дней Славянск будет взят... А это значит, что наши получают возможность снабжать войска в Барвенково-Лозовском выступе по железной дороге.

Я хлопнул в ладоши и сказал:

– Паникуют – так это очень хорошо! Отбери людей – устрой немцам темную и танец с саблями. Они, наверное, еще к нашим ночным концертам не привыкли – значит, будем приучать...

Тогда же и там же

Командир пулеметного взвода старший сержант Кукушкин Игорь Андреевич

Вот пуля пролетела – и ага! Пулеметный взвод – это вам не шутки, это три десятка бойцов: мое старое отделение и два десятка черноморских моряков, два немецких полугусеничника, два пулемета «Утес», один АГС «Пламя» и десять трофейных МГ-34... И если первое слово нам почти никогда сказать не удастся, то второе и третье точно будет за нами.

Чем хорош «немец»? До «Печенега» он конечно не дотягивает, но расчет с ним куда мобильнее того же «Утеса» или, упаси Бог, «Максима». А бегать приходится частенько. Что касается патронов, то этого добра у немцев навалом. Восемь из десяти немецких зольдатиков бегают с винтовкой Маузера, патроны от которой подходят и к пулемету. Какая лажа, когда в нашем времени в каком-нибудь кино немецкая цепь была поголовно вооружена «шмайсерами». Увидишь «шмайсер», или, если правильно, МП-40 – это значит, унтер или герр офицер, что равносильно смертному приговору. В первую очередь сие довели до снайперов и до нас, пулеметчиков.

Но разговоры разговорами, а то, что стреляный гильзы дно окопа в...надцать слоев застилают, так это не дело. Ведь на всем этом и навернуться недолго. Вот мои ребята взяли веники и метут. Ну его... у одного уже гильзы под ногами покатались, так и сел с размаху на копчик. Пока заметаем в отнорок траншеи, а там видно будет.

– Товарищи бойцы...

Оборачиваюсь, а у меня за спиной мужик. Посветил под ноги фонариком: полушубок, шапка-ушанка, по шпале в петлицах, носатый. Где-то я его видел... Или его портрет... Блин,

он там еще с трубкой был... А кто это с ним – замполит наш бригадный, который «просто Ленья». Обалдеть!

– Здравия желаю, товарищ комиссар 3-го ранга, пулеметный взвод четвертого батальона производит уборку рабочих мест после трудового дня. Расход боеприпасов – сверхплановый. Жалоб и замечаний со стороны противника не имеется. Докладывал исполняющий обязанности командира взвода старший сержант Кукушкин.

– Вольно, товарищ старший сержант! – Брежнев повернулся к своему спутнику. – Смотрите, Константин Михайлович, какие шутники! В гильзах по колено стоят.

Носатый заговорил:

– Товарищ старший сержант, – такого крутого прононса я не слышал даже в самых крутых «одесских» анекдотах моего времени, – скажите, что вы думаете о сегодняшнем дне?

Я впал в ступор.

– Не понял вопроса, товарищ капитан...

На помощь носатому пришел Брежнев:

– Это товарищ Симонов, журналист, корреспондент «Красной Звезды». Он хочет знать, что думаете о войне вы, ее простые рабочие.

Моему удивлению не было предела. Я, конечно, знал, что Симонов намертво прицепился к нашей бригаде, но чтобы вот так запросто ходил по окопам в сопровождении Ильича... Нет, сам товарищ бригадный комиссар в первой линии бывает постоянно, и не только в минуты затишья. Личной храбрости, боевого духа и способности сказать бойцам «делай как я», у этого человека не отнимешь. Хотя и Симонов в Белоруссии в окружении был, выходил в боевой поход на подлодке. Скажу ему – может, поймет?

– Товарищ военный корреспондент, – я махнул рукой в направлении нейтральной полосы, – вон там, в степи, лежат немцы. Еще утром они жрали, гадили, считали себя расой господ, а свои трудности – временными. Теперь они лежат в снегу, и им больше ничего не надо. Они уже получили свои полтора квадратных метра украинского чернозема, и им его вполне достаточно. Чуть дальше окопались их «кригскамрады». Они пока живы, пьют шнапс и жрут консервы, но это ненадолго, поверьте. Завтра мы успокоим и этих. Они, товарищ Симонов, не защищают свою Родину, своих матерей и невест. Они пришли сюда грабить, грабить, и еще раз грабить. Грабеж – вот высшая форма существования арийского организма...

Опустив глаза, я увидел, что присевший на дно траншеи Симонов зажал между плечом и щекой маленький фонарик и что-то яростно строчит карандашом в блокноте.

– Поголжайте товарищ Кукушкин, поголжайте... – промычал он, поднимая на меня глаза.

И тут на меня буквально навалился Брежнев, пытаясь раздавить в объятьях (правда, целоваться не стал – видно, ему уже объяснили, как это воспринимается в наше время):

– Как сказал, сержант! Прямо припечатал! Грабеж – высшая форма существования арийского организма... В гранит, в бронзу, в мрамор!

Эх, с мысли сбил, товарищ Брежнев, тайный гомосек ты наш... Да и Симонов, видно, понял, что продолжения не будет. Хотя... Нет, не надо. Или надо?

– Товарищ Симонов, послушайте... – Я напряг память: как-никак он один из моих любимых поэтов.

*Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.*

Так хотел он, его вина, —

*Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.*

*Пусть исплается не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.*

*Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!*

– Замечательно! – всплеснул руками Симонов, – кто написал такие замечательные стихи? Я посмотрел на Брежнева, тот утвердительно кивнул.

– Вы, товарищ Симонов. Вы и написали, – ответил я, отвернувшись, чтобы не видеть его ошарашенной физиономии.

Из-за поворота траншеи, чуть не сбив Брежнева с ног, выскочил командир первого отделения моего взвода, сержант Алешин. Наверное, что-то случилось. Я-то посылал его к комбату с донесением и заявкой на патроны. А он обратно несется так, будто за ним гонится сам Гитлер с Герингом впридачу.

Даже не переведя дух, Алешин торопливо козырнул Ильичу.

– Товарищ бригадкомиссар, разрешите обратиться к товарищу взводному?

Дождавшись утвердительного кивка, Леха выпалил на одном дыхании:

– Птиц, то есть товарищ старший сержант, тебя там комбат на НП зовет. Срочно! – Он оглянулся и, видя, что Брежнев с задумчивым Симоновым пошли дальше по траншее, яростно зашептал мне прямо на ухо: – Слышь, Игорех, я не я буду, если наш «папа» ничего не задумал. Ночью немцам, кажется, будет концерт...

– Так... – Я осмотрелся по сторонам. – Лех, остаешься за старшего. В первую очередь набивайте в ленты сколько хватит патронов – если ты прав, они нам понадобятся.

– К «немцам» тоже? – шепотом переспросил Алешин.

– К ним в первую очередь, – ответил я, – если будет вылазка, то «Утес» с собой тяжеловато тащить будет, а вот МГ-шки в самый раз...

Хлопнув старого друга по плечу, я почти бегом направился в сторону НП.

22 января 1942 года. Ночь, 03:35. г. Сталино, штаб 1-й танковой армии вермахта

– Господа, положение просто катастрофическое! – Генерал-полковник Эвальд фон Клейст обвел собравшихся тяжелым взглядом. – Господа генералы, должен сообщить вам нерадостное известие. Только что получено донесение разведки, что конно-механизированный корпус Буденного с ходу взял Синельниково и движется к Запорожью. Впрочем, обстановка наверняка уже снова изменилась, и не в нашу пользу. Синельниково было захвачено почти двенадцать часов назад, а известие об этом пришло только сейчас. Русские научились создавать весьма эффективные помехи радиосвязи. Но, господа генералы, это лирика. А суровая реальность заключается в том, что в результате решительных и дерзких ударов большевиков мы оказались окончательно отрезаны от 6-й полевой армии генерал-полковника Паулюса. Кроме того, полностью разгромлена 17-я полевая армия, генерал Гот пропал без вести.

Оставим пока в стороне вопрос, как такое могло произойти. Хотя хотелось бы послушать мнение наших многоуважаемых коллег из абвера. Я спрашиваю, как так могло получиться, что рейд большевистской механизированной группы оказался для нас абсолютно внезапным? Про накопление сил красных в районе Изюма и Славянска мы знали, и ждали удара именно оттуда. Как могло получиться так, что сводная кампфгруппа генерал-полковника Гудериана оказалась полностью уничтоженной? – Стек фон Клейста указал на начальника разведки 1-й танковой армии. – Молчите, герр Лозе?! Ну молчите дальше!

Полковник абвера вскочил и вытянулся в струнку.

– Герр генерал, нашей службе удалось узнать, что сводная механизированная группа полковника Бережного впервые начала действовать 4 января на Евпаторийском плацдарме. Сведения крайне отрывочные... После успеха у Евпатории большевики берегут тайну этой группы, как зеницу ока. Тем более что абверкоманда 11-й армии погибла полностью...

– Хватит! – зло выкрикнул Клейст, развернувшись в сторону группы танкистов. – Оберст-лейтенант Клозе лично побывал на том месте, где русские уничтожили кампфгруппу Гудериана. Расскажите этим господам, что вы видели!

– Это страшно, господин генерал-полковник, – сказал офицер со старым шрамом через всю щеку. – Судя по расположению сгоревшей техники, наши танки только начали развертывание из походной колонны. Русские расстреляли их из чего-то калибром в десять-двенадцать сантиметров и пошли дальше. Ни один русский танк не был сожжен, хотя мои люди нашли следы того, что некоторым из них пришлось ремонтировать перебитые гусеницы. Следы, господа, следы могут рассказать вам многое, даже если земля промерзла и звенит как камень. У этого Бережного не так много техники, но он мастерски ее использует. Мы думаем, что это человек из эмигрантов, офицер старой школы, может быть наполовину или даже полностью немец. В его бригаде царит жесткий порядок, столь нехарактерный для военных частей большевиков. Только истинный ариец мог спланировать и провести такую операцию.

– И об этом вам тоже рассказали следы? – скептически заметил командующий 14 моторизованным корпусом, генерал от инфантерии Густав фон Вительсхайм.

– Именно так, герр генерал, я не зря командовал когда-то разведбатальоном 1-й танковой дивизии. Иначе как объяснить, что многоопытнейший генерал Гудериан попался в его ловушку? Пока он разворачивал свои «ролики» против головного отряда большевиков, две большие группы танков обошли его основные силы по целине и ударили по неприкрытой колонне с мотопехотой и артиллерией. Стреляли с расстояния почти в полтора километра. Как раз там мы нашли гильзы неизвестных доселе образцов калибром в десять и три сантиметра. Вы знаете, что делает с «двойкой» десятисантиметровый фугас? Разрывает на куски, герр генерал! У наших артиллеристов и панцергренадер не было ни одного шанса. И еще, господа, обратите внимание: шестнадцатого утром его группа прорывает оборону нашей 100-й легкопехотной дивизии на Перекопе и начинает движение в сторону Каховки. В полдень она ведет бой с выступившей ей навстречу кампфгруппой Гудериана и полностью ее уничтожает. К вечеру шестнадцатого мы теряем связь с Каховкой... Теперь там сводный большевистский полк из бывших пленных, которых этот Бережной вооружил нашим же оружием. Врачи в наших полевых лазаретах вытаскивают из тел немецких солдат пули нашего же немецкого образца. А уже в ночь с девятнадцатого на двадцатое они громят тылы и штабы 17-й армии и выходят к Изюму. Такой марш по нашим тылам, в метель, за четыре дня – это просто невероятно!

– Здесь, под Краматорском, творится то же самое, – пожал плечами командир 3-го моторизованного корпуса генерал-полковник Эберхард фон Маккензен. – Мои части, выдвинутые к Славянску, на полпути напоролась на полевую оборону, кстати, весьма толковую. Там у большевиков в цепи просто до неприличия много наших же пулеметов, и они совершенно не жалеют патронов, стреляя из них в наших солдат. Скорее всего, вы правы, герр оберст-лейте-

нант, этот Бережной должен быть из старых офицеров – тех, кто помнит траншейные бои, и то, как в Великую войну за четверть часа пулеметами целые полки сдувало в преисподнюю.

– А чего им жалеть наши патроны, – проворчал фон Клейст, – ведь в Лозовой и Барвенково к ним в руки попали все армейские склады 17-й армии. К сожалению, мы уже не можем наказать тех, кто повинен в таком вопиющем разгильдяйстве. Но, я собрал вас не для этого. Подкреплений не будет – из-за угрозы большевистских десантов в Румынии и Болгарии. Все резервы перебрасываются на побережье Черного моря, где сейчас хозяйничает русский флот. Вы все уже слышали о разгроме Констанцы. Эти варвары не оставили от города камня на камне. Итальянский флот, получив хорошего пинка, больше за Босфор не сунется. Так что Рейх остался с русскими один на один. Не смейтесь, господа – наше счастье в том, что эти корабли в море, а мы здесь. Разрешения отступить, кстати, тоже не будет. Фюрер в ярости. И поскольку выхода у нас нет, то нам придется побеждать – побеждать, господа генералы и офицеры, любой ценой. Задача номер один – деблокировать Славянск. Связи с гарнизоном нет, но отдельные узлы обороны держатся, передовые части слышат канонаду. Командование сводной кампфгруппой сконцентрированной у Константиновки и состоящей из танковой дивизии СС «Викинг», 1-й моторизованной дивизии Лейб-штандарт СС «Адольф Гитлер» и 60-й моторизованной дивизии, я возлагаю на генерал-полковника фон Маккензена. Я знаю, что в частях по тридцать-сорок процентов условно исправной техники, и ее моторесурс на исходе. Фюрер обещал перебросить запчасти по воздуху, но вы видели, в каком состоянии наши аэродромы. Ждать моторов нельзя, наступать необходимо сегодня. Я держу генерала Василевского за горло в Славянске, а он меня – в Павлограде. Если большевикам удастся захватить Славянск и восстановить работу железной дороги, то их войска сразу получают снабжение, которого лишены наши солдаты. А если мы будем сидеть сложа руки, то это лишь дело времени. Наступление назначено на завтра, за час до рассвета. Удар наносится по линии Дружковка-Краматорск. По данным разведки, вражеских танков в полосе вашего прорыва нет, они сейчас где-то за Артемовском, и быстро прибыть не смогут. Так что против вас будет только небольшое количество русских легких самоходок. Надеюсь, оберст-лейтенант Клозе не опозорит панцеваффе, и в первых рядах ворвется на русские позиции. Хайль Гитлер!

Примерно в то же время. В районе станции Барвенково

Район сосредоточения немецкой техники был выявлен воздушной разведкой заранее. Клейст еще в десятых числах января обнаружил концентрацию советских войск в районе Изюма и Красного Лимана и сделал соответствующие выводы, создав в районе Сталино мощную моторизованную группировку. В эти части была передана вся исправная техника, а личный состав по возможности доведен до штата. Кампфгруппа должна была ударить во фланг нашим войскам, теснящим части 17-й полевой армии.

Но все пошло не так, как планировали, и большевики не теснили 17-ю армию своим любимым фронтальным натиском, а разгромили ее ударом с тыла. Но цель для кампфгруппы все равно нашлась – несколько советских батальонов, упрямо перекрывающих непобедимому вермахту путь к победе.

И вот настал звездный час немецких танкистов. Поступил приказ, и механики-водители запустили масляные печки на прогрев. Но эта процедура имела последствия, о которых немецкие танкисты и не подозревали. Где-то высоко-высоко в небе разведывательная аппаратура патрульной «сушки» засекала россыпь новых источников тепла, не являющегося открытым огнем. Маскировка немецких танкистов полетела к черту, и слово «район сосредоточения» обрело координаты с точностью до метра. Дежурный по штабу поднял генерал-лейтенанта Василевского из тяжелого беспокойного сна, после чего военная машина завертелась на максимальных

оборотах. Пятнадцать минут потребовалось, чтобы срочно связаться с Москвой и получить у абонента «Иванов» разрешения на применение изделия «Смерч».

И вот уже восемнадцать установок медленно поднимают к небесам пакеты пусковых. Есть разрешение вождя на один залп дивизиона термобарическими боеприпасами. Не выпавшие, а потому злые, как собаки, офицеры дивизиона готовят данные для стрельбы. Морские пехотинцы, танкисты, летчики, моряки воюют с самого первого дня. А вот они, офицеры и бойцы тяжелого дивизиона РСЗО, не сделали по врагу ни одного выстрела. Но теперь подошла и их очередь.

Вот все готово, наступила тишина. Нет, не совсем: где-то вдалеке артиллерия РГК, сведенная в один кулак, по одному давит немецкие узлы обороны в Славянске. В небе над городом нарезает плавные круги окрашенный в черный цвет БПЛА. Рядом с оператором коробка полевого телефона. Вот так, с помощью высоких технологий, каменного топора и такой-то матери разрушается хитроумная система немецкой обороны. Главное – не торопиться и как следует пристреляться, а потом не жалеть снарядов.

Генерал-полковник фон Клейст беспокоился не зря – немецкий гарнизон Славянска обречен. Два-три дня такой работы (в крайнем случае, неделя) – и в городе не останется ни одного немецкого солдата.

Но сейчас задача другая – предотвратить, остановить немецкий контрудар, перехватить руку, уже замахнувшуюся ножом. Секундная и минутная стрелки совместились в положенном им месте; на передвижном командном пункте дивизиона подполковник Андреев повернул ключ. Команда на открытие огня, централизованно поступившая на все восемнадцать машин, обрушила на врага адское пламя.

Генерал-лейтенант Василевский, начальник артиллерии Юго-западного фронта, командующий 57-й армией, вышли из автобуса и подняли к глазам бинокли. Земля вздрогнула и завибрировала мелкой дрожью, хоть до огневых позиций и было несколько километров. Потом через все небо косо понеслись раскаленные добела огненные шары, а все вокруг затопил яркий свет, превращающий ночь в день.

Несколько минут спустя, г. Сталино, штаб 1-й танковой армии вермахта

«Херрен генерален унд официрен» уже собирались расходиться, как в подвальное помещение ворвался глухой низкий гул, словно наверху началось землетрясение. С потолка посыпалась пыль, и закачалась на голом проводе разбитая лампочка. Выскочив на свежий морозный воздух, генерал полковник фон Клейст увидел, как в небо, подобно театральному занавесу, поднимается багровое пламя, прорезаемое ярчайшими бело-голубыми вспышками. Эта была катастрофа.

Еще через час командующий 1-й танковой армией узнал, что кампфгруппа «Макензен» понесла невосполнимые потери от огня русской артиллерии и фактически прекратила свое существование. Деблокировать Славянск было нечем. Фон Клейст еще не знал, что завтра рано утром навстречу Буденному из Крыма двинется Рокоссовский, что сделает положение окруженной 1-й танковой армии совершенно безнадежным.

24 января 1942 года, Поздний вечер. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Поскребышев приоткрыл дверь.

– Товарищ Сталин ждет вас, – сказал он сидящему в приемной Верховного военному, и майор госбезопасности Санаев шагнул через порог.

Сталин в кабинете был не один. Кроме вождя, там находился Генеральный комиссар Государственной Безопасности Лаврентий Берия. Санаев молча передал Верховному Главнокомандующему запечатанный сургучными печатями пакет из плотной бумаги, и бегло взглянул на висящую на стене карту южного участка советско-германского фронта, всю исчерченную синими и красными стрелами испятнанную условными значками.

Точно такие же карты были в штабе Юго-Западного направления на станции Лозовая и в штабе ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Изменения обстановки докладывались в Кремль каждые полчаса, и, судя по почерку, Вождь делал пометки лично, не доверяя никому. Даже при беглом взгляде на эту карту становилось ясно, что для германской группы армий «Юг» складывается весьма напряженная обстановка. На севере 6-й кавалерийский корпус достиг Днепра в районе Днепропетровск – Новомосковск и занял позиции по левому берегу реки Самара. Двигающиеся следом за кавалеристами стрелковые дивизии 6-й армии генерал-майора Городецкого, используя выгодный рельеф местности, устанавливали устойчивый, глубоко эшелонированный фронт обороны от Новомосковска до Балаклеи. Участок, непосредственно прилегающий к немецкому «шверпункту» Балаклея передан 38-й армии, и в настоящий момент усиленно укрепляется. В настоящий момент готовы две линии обороны и строится третья. Майор госбезопасности подумал, что если генерал Паулюс в своей излюбленной манере попытается ударить туда, где, как он считает, находится стык между армиями, то он получит много новых и очень сильных впечатлений. Южнее конно-механизированный корпус Буденного взял Запорожье. При этом отмечалось, что под контролем советских войск находится плотина Днепрогэса, а также, небольшой плацдарм на Правобережье.

На полсотни километров к югу и юго-востоку степь контролируется конными разъездами и моторизованными патрулями. 5-й кавалерийский корпус занял Чаплино. С юга войска Крымского фронта вышли на линию Херсон – Каховка – Мелитополь. На севере, под Славянском, остались только отдельные синие точки блокированных опорных пунктов немцев. Железнодорожный узел Славянска отмечен как полностью находящийся в руках советских войск. Южнее Славянска линия соприкосновения советских и германских войск проходила через Артемовск, Константиновку и верховья реки Самары. Как сказал при расставании генерал-майор Бережной, Клейст и его армия пока еще живы, но гробы для них уже приготовлены.

От Сталино до Днепра – двести-двести пятьдесят километров. Даже если Клейст прямо сейчас получит разрешение Гитлера отступить (во что майор Санаев не верит), то им придется бросить артиллерию и обозы и идти пешком. А у Днепра, между прочим, их будут ждать Буденный с Рокоссовским, имеющие свежие корпуса и действующую железную дорогу. Ничем иным, кроме тотального истребления, такой анабазис кончиться не может.

Тем временем Сталин вскрыл пакет и, благожелательно кивнув, стал быстро читать докладную записку, подписанную Василевским и Бережным.

Оторвавшись от чтения, он внимательно посмотрел на Санаева.

– Так значит, генерал-лейтенант Василевский считает, что цели операции «Польнь» достигнуты полностью, и бригаду Бережного уже можно выводить из боя? – спросил Верховный.

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил Санаев, – товарищ Василевский считает, что план «Польнь» имел полный успех. Достигнуты все поставленные перед операцией цели.

– А вы что об этом думаете, товарищ Санаев? – прищурился Верховный, потянувшись за пачкой «Герцеговины Флор». – В конце концов, Вы не просто свидетель и участник событий, а еще и лицо, облеченное определенным доверием...

Майор бросил взгляд на своего прямого и непосредственного начальника, глубоко вздохнул и ответил:

– Я, товарищ Сталин, разделяю точку зрения товарищей Василевского и Бережного. Задачу по проведению рейда и взлому вражеской обороны изнутри бригада выполнила на

отлично с незначительными потерями. В плане стратегии достигнут решающий результат, группа армий «Юг» понесла тяжелое поражение, и фактически от нее осталась только 6-я полевая армия Паулюса. Дальнейшие задачи в виде добывания окруженной в Сталино группировки Клейста и стабилизации фронта обороны по Днепру можно решить и без нашего непосредственного участия. Бригада, конечно, может вести и позиционную войну, но при этом не получится ее основные преимущества в виде высокой мобильности и большой пробивной мощи.

– Возможно, ви и правы, товарищ Санаев, – Сталин медитативно медленными движениями утрамбовывал табак в трубке, – у нас не так много генералов способных навязать нэмцам свою волю... А что нам скажет товарищ Берия?

Генеральный комиссар госбезопасности сверкнул стеклами пенсне.

– Товарищ Берия согласен с товарищем Василевским. По имеющимся у меня сведениям, большая часть техники отечественного производства нуждается в капитальном ремонте с заменой двигателей и трансмиссии. Да и спецтехника, так же как и техника немецкого производства, тоже нуждаются в техническом обслуживании. Было бы неплохо для этого временно переместить бригаду на один из танковых заводов, например, в Сталинград.

– Ми сделаем лючше, – вождь чиркнул спичкой, – есть мнение, что эту просто замечательную и героическую бригаду необходимо направить сюда, к нам в Кубинку, на 22-й полигон. Товарищ Берия, вы должны позаботиться о том, чтобы туда вне всякой очереди были доставлены необходимые запчасти и оборудование. Кроме того, пригласите туда наших самых замечательных конструкторов – Морозова, Астрова и других. Пусть товарищи танкисты поговорят с ними, выскажут свои замечания и претензии. Почему только товарищу Сталину слушать о недостатках нашей техники? Только, чур, без рукоприкладства. Да, и покажите товарищам конструкторам, к чему им надо стремиться. В ТОТ РАЗ мы прозевали массовое появление тяжелых немецких танков, и дорого за это заплатили. Товарищ Берия, вы понимаете, что история не должна повториться? Прошу вас проконтролировать процесс улучшения существующей техники и разработки новой.

– Так точно, товарищ Сталин, – кивнул Берия, – сделаем.

Сталин снова посмотрел на Санаева.

– А вообще, все ви молодцы. Это я, товарищ Санаев, за всех вас благодарю. И товарищей Ларионова, Бережного, Кузнецова, Василевского, Рокоссовского, и каждого командира и рядового бойца. Такую операцию провернули – шум на весь мир стоит. Кстати, есть мнение, что товарища Ларионова можно назначить исполняющим обязанности командующего Черноморским Флотом, с дальнейшим утверждением в должности после истечения испытательного срока. У нас не так много способных адмиралов, а по данным нашей разведки, активно действующий Черноморский флот способен оттянуть на себя двадцать-тридцать дивизий, которые противник будет вынужден снять с фронта для обороны от наших десантов. Гражданин Октябрьский-Иванов, будучи командующим, полностью игнорировал эту задачу флота.

Вождь повернулся в сторону Берии.

– Да, Лаврентий, что там была за история с обороной мостов у Павлограда? И кто там ходил в контратаки с пулеметом наперевес? – Сталин взял со стола листок бумаги. – Цитирую: «Когда командующий обороной мостов майор Петров был тяжело ранен, занял его место и успешно руководил отражением вражеских атак. В критический момент поднял бойцов в контратаку против немецкой пехоты, просочившейся в мертвую для огня тяжелых пулеметов зону. На ходу вел по вражеской цепи огонь из пулемета «Печенег» с примкнутой патронной коробкой. Сумел продержаться для подхода передовых частей Красной Армии, сохранив в целости мост через реку Самара и станцию Павлоград». За этот подвиг представлен генерал-лейтенантом Василевским к ордену Боевого Красного Знамени. Ну, товарищ майор госбезопасности, что скажете? Может, вас в пехоту перевести или в десант – уж вы там погеройствуете...

Санаев покраснел, а Берия философски заметил:

– Геройство – это в нашем деле для персонального употребления, ночью, под одеялом. Для наших сотрудников вообще-то ум нужен... Мне кажется, товарищ майор просто погорячился, неправильно оценил ситуацию.

– Все он правильно оценил! – Сталин бросил трубку в пепельницу. – Если бы их смяли... Немцы могли бы уничтожить мост, и наши войска оказались бы в весьма сложном положении. Короче, Лаврентий, этому герою – Героя. И майору Петрову тоже – заслужил.

Санаев опустил голову.

– Умер Петров, до санбата не довезли... Пуля рядом с сердцем была, пулю из «Маузера» в упор их бронежилет не держит.

– Дать Героя посмертно, – отрубил вождь, – достоин. Значит так, товарищ майор госбезопасности. Возвращайтесь обратно, можете сказать товарищам Василевскому и Бережному об отводе бригады с линии фронта и передислокации в Кубинку. Но никому больше. Проработайте операции прикрытия, в которых пунктом назначения эшелонов будут Куйбышев, Сталинград, Магнитогорск и, возможно, даже Омск. Надо немного дать работы шпионам, пусть побегают. Все, товарищ Санаев, можете идти.

В приемной майор нос к носу столкнулся с человеком, которого знала вся страна. Шапошников Борис Михайлович, Маршал Советского Союза, Начальник Генерального Штаба, и прочая, прочая, прочая... Внешний вид прославленного советского военачальника был далек от идеального, серая кожа и мешки под глазами показывали, что маршал болен, и болен тяжело. Машинально откозыряв Шапошникову, Санаев вдруг подумал, что, получается, маршал пришел уже после него и ждал, пока Верховный поговорит с майором госбезопасности, пусть и не простым. Да, все чудесатее и чудесатее...

Несколько минут спустя, там же

Когда в кабинет вождя вошел маршал Шапошников, Хозяин, по кавказскому обычаю, пожал руку гостю и первым поздоровался:

– Добрый вечер, Борис Михайлович. Как ваше здоровье?

– Здравия желаю, товарищ Сталин, – ответил тот, – пока без особых изменений.

– Очень плохо, что без особых изменений, – вздохнул Сталин, – вы не передумали?

– Никак нет, товарищ Сталин, – упрямо сказал маршал, – в сложившихся условиях, когда мне было выказано такое недоверие, я считаю невозможным свое дальнейшее нахождение на посту Начальника Генерального штаба.

– Это ви зря так, Борис Михайлович, – вождь прищурил свои желтые тигриные глаза, – конечно, я понимаю, что вы возмущены, что вас нэ поставили в известность по операции «Полынь»... Но у нас било вполне обоснованное мнение, что число причастных к этой операции необходимо максимально ограничить. И тем более ми не забывали о состоянии вашего здоровья. Товарищ Василевский, как говорится, вник в эту историю с самого первого дня. Вот ми и решили дать ему возможность полностью проявить себя. Погодите, не возражайте. Сказать честно, товарищ Сталин тоже предпочел бы остаться неосведомленным, ибо многие знания – это многие печали. Но у товарища Сталина нет такого права. Вот и товарищ Берия, к примеру, считает, что настало время, когда и начальник Генерального Штаба должен быть посвящен в причины всего происходящего... Но прежде чем мы начнем... Лаврентий?

Берия сверкнув стеклами пенсне, взял со стола толстую папку в коленкоровой обложке и кивнул на стул стоящий у края стола.

– Присядьте, товарищ Шапошников, – сказал он с мягким кавказским акцентом. – Как гласит русская пословица, «в ногах правды нет». Такие документы положено читать, не вынося их из этого кабинета, и только сидя.

Маршал взял в руки папку, но тут Сталин остановил его:

– Погодите, Борис Михайлович... Я попрошу вас отнестись к этой информации предельно серьезно. Это не баллетристика и не вражеская дезинформация – ЭТО ЕСТЬ!

Шапошников удивленно кивнул и открыл наконец папку, на лицевой стороне которой был наклеен квадратик белой плотной бумаги с надписью: «Боевой путь Частей Особого Назначения: Отдельной Тяжелой Механизированной Бригады, Отдельной Истребительно-Бомбардировочной Авиагруппы, Отдельного Корабельного Соединения».

Листы в папке были прошиты, пронумерованы и скреплены двумя сургучными печатями. На одной из них, к огромному удивлению Шапошникова, красовался двуглавый орел (правда, в несколько мутировавшем виде), а на другой был нормальный герб СССР. В углу каждого листа, как и положено, стоял бледно-фиолетовый штамп «ОВ» – особой важности.

После некоторых первых прочитанных строк глаза маршала округлились, но он, сделав над собой усилие, не выказал удивления, видно, помня предупреждения вождя. На листах отличной финской бумаги четким шрифтом лазерного принтера была изложена крайне фантастическая история. Но Шапошников все же был Начальником Генерального Штаба и имел достаточно полную информацию о происходящем на фронтах. Но ему были известны только конкретные результаты, но никак не средства, которыми они были достигнуты. Убивший в Крым генерал-лейтенант Василевский отчитывался обо всем лично Верховному. В Генштаб шли сухие сводки без разъяснения подробностей: Достигли... Разбомбили... Уничтожили... Разгромили... Пленили...

Сейчас маршал читал полную историю этих событий. Это не была обычная для РККА того времени история массового героизма и самопожертвования. Это была история повседневной, даже рутинной боевой работы, когда противника подавляли оперативным искусством, четкой организацией, техническим превосходством и огневой мощью. Героизм и личное самопожертвование бойцов и командиров, конечно, тоже были, но они присутствовали на заднем плане и ключевого значения не имели.

«Особая авиагруппа»... Краснозвездные самолеты, внезапно засыпающие спящие немецкие аэродромы ковром из тысяч мелких осколочных бомб, оставляющие за собой пожары и кучи искореженного дюрала, некогда бывших боевыми самолетами люфтваффе. Делая свое дело, пришедшие из будущего пилоты истребляли асов Геринга и надежно защищали бойцов РККА. Тут же были рекомендации по применению существующей и разрабатываемой техники, подготовке летного состава, тактике ведения воздушных боев и нанесения бомбоштурмовых ударов. Все четко и ясно – видна рука профессионала. И подпись: «полковник Хмелев С. П.»

«Отдельное корабельное соединение» было не его епархией, но инстинктом профессионального военного маршал понимал, что такие силы в Черном море избыточны, тем более что задача на захват Босфора и Дарданелл пока не поставлена, не до них сейчас. Значит, в ближайшее время следует ожидать операции по переводу части сил на более важные ТВД. Но об этом пусть болит голова у адмирала Кузнецова, который сейчас находится там, в гуще событий, и сам все должен понимать не хуже Шапошникова. Нашел свое объяснение и удивительный разгром итальянского флота при попытке прорыва в Черное море. Гибель двух линкоров и тяжелое повреждение крейсера вне видимости противника произошли из-за применения оружия особой корабельной группы. И теперь сия великая тайна покоится на дне, на глубине почти два километра.

«Особая тяжелая механизированная бригада»... Ее боевой путь отмечен победами, удивившими мир. И еще: личный состав этой части после переформирования только на одну треть состоит из «инструкторского состава», а остальные две трети – краснофлотцы и командиры Черноморского флота. И уже после этого – та самая операция «Полынь», сломавшая хребет

группе армий «Юг». Значит, можно и нужно перенимать опыт и тактику пришельцев из будущего, совершенствовать технику, обучать личный состав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.